

Татьяна Герцик
Любовь за вредность

«Дана Хадсон»

Герцик Т.

Любовь за вредность / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,

Для женщины «чуть-чуть за тридцать», не обладающей ни модельной внешностью, ни здоровым цинизмом да к тому же работающей библиотекарем, надежды на счастье нет? Чушь и ерунда! Феокиста, предпочитающая именовать себя Аней, страдает не от отсутствия мужского внимания, а, напротив, от излишне решительных ухаживаний Евгения – владельца мехового салона. Чего он добивается, постоянно приглашая «безнадежную старую деву» в рестораны, делая ей шикарные подарки и время от времени предлагая руку и сердце? Феокиста уверена: ничего хорошего от преуспевающего и привлекательного бизнесмена ждать не приходится. Евгений либо просто издевается над ней, либо намеревается «поматросить и бросить». Но этим гнусным планам не суждено сбыться! Евгений будет с негодованием отвергнут. Жаль только, что он об этом пока еще не знает...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Герцик

Любовь за вредность

Глава 1

Перекусив в кафетерии, мы с Ириной неторопливо возвращались на работу. До конца обеда было еще далеко, и мы беззаботно рассматривали витрины бутиков, радостно отмечая ляпы разного рода. Больше всего нам понравилась рекламка «овчины от производителя». Это от баранов, что ли? И во сколько бедняжки оценивают свои шубейки? Эта забавная надпись красовалась на солидном магазине «Элитные меха», занимавшем весь первый этаж длинной многоэтажки. Ирина, заметив еще кое-что интересное, замедлила шаг и остановилась около большой, метра три высотой, фотографии, выставленной в верхней части огромной зеркальной витрины.

– Смотри, какая прелесть!

Она с улыбкой рассматривала сине-зеленую шубку на полуголой красавице, возлежавшей на древнем, покрытом мхом валуне. Я согласно покивала. Шубейка из неизвестного науке зверя, необычайного фасона – с глубоким вырезом и зауженным низом – подошла только русалке.

Ирина с детской непосредственностью удивленно заметила:

– И кому такие шубы нужны? В ней же ходить невозможно!

Я снисходительно взглянула на доверчивую подружку. Всему-то она верит!

– Да в них никто и не ходит. Это просто рекламный трюк. И сшита она в единственном экземпляре из искусственного меха. А возможно, и не сшита, а смоделирована на компьютере. Ты же сама работаешь на компе и знаешь, на что способна эта машинка. На ней все, что хочешь, сварганить можно...

Иринка отошла к краю тротуара и прищурилась, издали оценивая фотографию.

– Да, вполне возможно...

Пока она пыталась выяснить, имитация перед ней или нет, я разглядывала наши отражения в нижней части витрины. Ну просто Дон Кихот и Санчо Панса или Пат и Паташон. Правда, разница в росте у нас не так велика – мой метр семьдесят с каблуками против ее метра пятидесяти пяти без каблуков. Я не сказать чтобы худая, но и толстой меня никто не назовет, и Иринка, похожая на мяконецкую ласковую подушечку. По масти мы тоже резко различались – в Иринке ярко выиграла далекая кровь, потому что при довольно бесцветных родителях она удалась смуглой, кареглазой и черноволосой. Иринка часто то ли в шутку, то ли всерьез говорила, что ее подменили в роддоме. В это вполне можно было поверить, если бы в их семье не сохранилась фотография прабабки, такой же южной красавицы. Мать Ирины, читающая слишком много псевдоокультурной литературы, уверяла нас, что это реинкарнация.

Не знаю, насколько душа красотки с семейного фото воплотилась в Иринке, но ее темперамент горячим назвать было никак нельзя. Я нигде больше не встречала такого осмотрительного и основательного человечка. Она и замуж не вышла по этой причине – все боялась, что ее обманут или она недостаточно хороша для избранника. Хотя я считаю, что жена из нее получилась бы идеальная. Ну, при условии, что ее муж тоже будет таким же уравновешенным и осмотрительным.

Я с отвращением показала язык высившейся в зеркальном стекле тете. На фоне Иринки я выглядела блеклой и малоинтересной. Единственное мое достоинство – синие, почти фиалковые глаза – я никак не подчеркивала. А зачем? Мужчины же не красятся, чтобы привлечь женщин, вот и я не хочу завлекать мужчин всякими ухищрениями. Волосы у меня хорошие, но

обычного рыжевато-каштанового цвета. Летом на солнце они смотрятся неплохо, но поздней осенью под низко надвинутой на глаза шапкой их и не видно. Кожа у меня, правда, прозрачная и нежная, как у большинства шатенок, но уж больно бледная. Кажется, что я недавно встала с больничной койки. Да и краснею я как помидор из-за каждой ерунды.

Но мне грех жаловаться – многие мужчины признавали, что я весьма привлекательна. Особенно когда улыбаюсь. Один из знакомых даже заявлял, что у меня сияющая улыбка. Что он хотел этим сказать, не знаю, может, просто намекнул, что я зубы хорошо чищу?

И я немедля широко оскалилась, желая найти этому подтверждение. Проходивший мимо мужчина с опаской на меня посмотрел, заставив принять вид чопорной и важной дамы. Но едва он отошел, как я фыркнула и рассмеялась. Так уж случилось, мой главный, но не единственный недостаток – смешливость. Вот уж с чем я ничего поделать не могу. Хихикаю вовремя и не вовремя. Многие на меня сильно обижаются, хотя смеюсь я вовсе не над ними. Над обстоятельствами, над собой, над смешными поступками или просто ни над чем. Поскольку спорить с собственным характером и переделывать себя бесполезно, а обижать людей не хочется, я донельзя сузила круг подруг и знакомых. В этом деле я исхожу из ленинского принципа – лучше меньше, да лучше. Зато вокруг меня люди, вполне меня понимающие.

Посмотрев на маленькие часики, Ирина потянула меня внутрь:

– Давай зайдем, все равно делать нечего.

Правильно, не торчать же еще сорок пять минут на улице. Если бы погода была хорошая, а то холодный ветер и противный мокрый снег. Благовоспитанно вытерев о серый резиновый коврик налипшее на сапоги месиво, мы вошли в просторное помещение. Прошлой весной, когда бутик только-только открылся, мы здесь уже бывали. С той поры мало что изменилось – по всему огромному залу все так же бесконечно ровными рядами стояли стойки с меховыми изделиями, а по стенам висели разных видов и фасонов головные уборы.

Чтобы не потеть в тепле, я стянула с головы вязаную шапочку и небрежно запихала ее в сумочку, пригладив растрепавшуюся шевелюру пятерней. Не знаю, что из меня получилось, в зеркало смотреть я не стала. Перед кем изображать леди в совершенно пустом магазине? Надменные продавщицы, с одного взгляда записав нас в разряд неплатежеспособных, даже не удосужились к нам подойти. Мы не обиделись – в нашем случае гораздо приятнее проводить экскурсию без навязчивых надзирателей. Осмотр начали с краю и прошли к середине, где продавались шубы из норки.

Мы изучающе рассматривали серебристую норковую шубку, ласково поглаживая блестящий мех. Цели у нас с Иринкой были исключительно эстетические – нам подобные вещи не по карману. Персонал магазина, прекрасно это понимая, смотрел на нас с брезгливым равнодушием. Выгнать нас женщины не имели права – мы вели себя вполне прилично. Не буянили, ни к кому не приставали, на бомжей тоже не походили, хотя уровень нашего благосостояния и стремился к уровню нищеты. А сколько в нашей замечательной стране получают простые библиотекари? Или даже не простые, потому что мы с Иринкой служили заведующими в крупнейшей в нашей области публичной библиотеке и для простых библиотекарей получали неплохо – примерно четвертую часть от средней зарплаты по области, чего и на еду-то едва хватало, не говоря о всяком прочем. Но что делать? Мы сами выбрали такую судьбу...

Ирина задумчиво сказала, мысленно примеривая шубку:

– А что? Весьма неплохо...

Оцениваяюще склонив голову набок, я уверенно ее поддержала:

– Конечно, если кто нам по такой шубейке подарит. Самостоятельно мы с тобой заработаем на нее к концу жизни, да и то при условии, что есть и одеваться не будем и передвигаться начнем исключительно пешком.

У подружки потускнели глаза. Она не любила, когда ее безжалостно спускали с небес на землю. Укоризненно посмотрела на меня, стараясь внушить побольше оптимизма. Я вновь

погладила упругий мех, снисходительно улыбаясь. Молодая еще девушка, порывистая. Всего-то тридцать, не то что мне, опытной тридцатичетырехлетней даме. Не собираясь отказываться от хрустальной мечты, подружка мечтательно протянула:

– Кто знает, может, мы с тобой еще замуж за миллионеров выйдем и жить будем припеваючи...

На это я даже и не ответила ничего. Иришка всю жизнь мечтала о принце на белом коне. Это ее бзик. И нужно ей обязательно богатого или по крайней мере обеспеченного. Квартира, машина, дача и прочие атрибуты красивой жизни. На мой взгляд, это снобизм. Как говорится, был бы человек хороший, а остальное приложится. Только вот хороших людей среди мужчин мне встречать не доводилось. Все с гнильдой и средней паршивости. Хотя, что греха таить, порой и меня донимают глуповатые мечты. Но связаны они вовсе не с мужчинами, слава Богу. Вот выиграть бы у Максима Галкина три миллиона и рвануть куда-нибудь. Рим, Лондон, Париж, Мадрид – вот где мне хотелось бы побывать. Иногда мне даже снятся незнакомые, но очень близкие по ощущению старинные города. Может, в прежней жизни я жила в таком городе? Уж очень знакомы мне узкие улочки, что видятся ночами...

Прерывая мои мечтательные размышления, из двери служебного помещения, полускрытой большим рекламным щитом с красоткой в длинной шубе, вышел высокий молодой мужчина. Небрежным взглядом скользнул по мне и Иринке, не заметил ничего привлекательного и повернулся к вмиг деловито забегавшим продавщицам. Сразу стало понятно, что это владелец магазина, – уж слишком засуетились до сего момента томно плавающие девицы. На нем были добротная черная кожаная куртка, черные джинсы, черные сверкающие ботинки, и чеканным профилем он ужасно походил на молодого Марлона Брандо из какого-то фильма про гангстеров, а может, и не гангстеров, не помню точно. Широкие плечи и твердая походка вполне соответствовали этому образу. Впечатление немного портили его тщательно выбритое лицо и распространившийся по магазину запах дорогого парфюма. С такой подчеркнутой холеностью он не имел права претендовать на роль бандито-гангстерита, зато вполне мог заменить собой любой манекен из стоявших по всему бутику. Недовольно повертел головой, высматривая что-то по сторонам. Не увидел и требовательно спросил у вопросительно вытянувшейся подле него продавщицы:

– Почему до сих пор не выставлены на продажу шубы из колонка? Их же к вам привезли еще на прошлой неделе...

Симпатичная женщина в форменном черном костюме боязливо ответила:

– Их еще Клавдия Борисовна не оприходовала...

Мужчина недовольно хмыкнул и обвел магазин подозрительным взглядом.

– И где же она?

Женщина замялась, не зная, что сказать. Эта самая Клавдия Борисовна, по всей видимости, отсутствовала без уважительной причины, и бедняга попала между молотом и наковальней – ей и коллегу не хотелось закладывать, и себя под удар подставлять. Судя по охватившей ее лицо бледности, заработки в этом магазинчике были весьма сносными, а то с чего бы ей так волноваться?

Владелец повторил вопрос, несколько его изменив:

– Она сегодня на работе появлялась?

Женщина растерянно оглянулась на подруг, ожидая поддержки, но соврать никто не решился. У всех вдруг нашлись срочные дела, и продавщицы разлетелись по разным углам, имитируя усиленную деятельность.

Он все понял без лишних слов. Достал стул для посетителей, поставил его за стойкой с шубами, с комфортом уселся на него, закинув ногу на ногу, взял в руки журнал и, небрежно бросив: «Я ее подожду!», принялся читать.

Иринка, исподволь разглядывая мужчину, прошептала, чуть шевеля губами:

– Ничего себе, какой напор! Чувствуешь, как от него просто пышет властностью?

От скромно устроившегося в уголке молодого человека в самом деле расходились повелительные волны. Они ощутимо били по нервам, хотя казалось – нам-то что? Мы же от него никак не зависим...

Прищурившись, я снова оценивающе взглянула на мужчину. Хотя он и был моложе меня, назвать его парнем у меня язык не поворачивался, не для него такие свойские эпитеты. Мне в жизни еще подобные экземпляры не встречались, только в книгах. Признаю, это явный недостаток у меня жизненного опыта, ведь я вращаюсь среди интеллигентов, а они, как правило, люди мягкие и уступчивые. Я еще раз посмотрела на типа в черном. Он сидел такой чопорно-прямой, что мне стало тошно. Нет, подобная разновидность homo sapiens меня не интересует. Не по душе мне такие властные типы.

А вот Иринка, наоборот, поглядывала на притаившегося в засаде владельца с явным женским интересом. Наверняка пытается определить, женат ли он и нельзя ли познакомиться с ним поближе. Она всегда всех встречаемых мужчин оценивает с матримониальных позиций.

Прикинув, соответствует ли он ее ожиданиям, я решила: вполне. Жених он завидный. Для Иринки, конечно. Обеспечен, образован, и возраст соответствующий – около тридцати. Но удовлетворенности, которую приносит удачный брак и мужчинам, и женщинам, в нем нет, значит, холост. Жаль, что подтвердить этот психологический вывод невозможно – приставать к нему с уточняющими вопросами не стоит. Подобное нахальство он не перенесет. А жаль...

Мы передвинулись к следующему ряду шуб и столкнулись с ним почти вплотную. Он спокойно, не обращая внимания на окружающих, сидел на неудобном стуле, внимательно читая какую-то статью. Мне эта углубленность показалась нарочитой, но это его право. Продавщицы, встревоженно вытягивая шеи, периодически выглядывали из своих укрытий, исподтишка наблюдая за хозяином, и мы с Иринкой, не желая нарушать воцарившееся в магазине молчание, сочувственно замолчали. Негромко играла приятная музыка, создавая расслабляющую атмосферу, но требовательный хозяин вносил в нее такой явный диссонанс, что все, не исключая нас с Иринкой, чувствовали все возрастающее напряжение и нервно вздрагивали по пустякам.

Хотя мы стояли прямо перед его носом, он не обращал на нас никакого внимания. Пользуясь его безучастностью, мы нагло рассматривали его с ног до головы. Только что комментарии по поводу его внешности вслух не отпускали. Мужчина, чувствуя наше любопытство, пару раз взглянул на нас, не делая различия между нами и стойками для продаваемых вещей. Глаза у него были холодного серо-стального цвета, под их равнодушным взглядом у меня похолодели руки, и захотелось куда-нибудь спрятаться. Таких ощущений у меня прежде никто не вызывал, и мне приспичило спровоцировать этот памятник на пару-тройку фраз, дабы определить, что же он из себя представляет.

Для этого я затеяла с Ириной глупейший разговор о превосходстве норки над всеми другими видами мехов. Неумеренно ее восхваляя, договорилась до того, что в ней можно ходить под проливным дождем и ничего с ней не будет. Любой мало-мальски разбирающийся в мехах человек поправил бы меня, но он только бросил в мою сторону полупрезрительный взгляд, чуть слышно чертыхнулся и снова показательно уткнулся в журнал, ероша волосы, будто успокаивая сам себя. Вот это выдержка! Я с невольным уважением посмотрела на его русую голову. Но может, я слишком хорошо о нем думаю и он просто не хочет тратить свое драгоценное время на глуповатых дамочек?

Мы обошли его, как табурет, и пошли дальше, перейдя к соболям. К нам, выполняя служебные обязанности, подплыла высокая девушка, видимо, отвечающая за эту часть зала. Сияя фальшивой улыбкой, умильно поинтересовалась:

– Чем я могу вам помочь?

Сделано это было исключительно для успокоения хозяйских нервов, поскольку всем было ясно, что помочь нам можно было, лишь безвозмездно, то есть даром, как говаривала Сова из известного мультика, подарив по шубе. Я вежливо поблагодарила:

– Спасибо, ничего не нужно. Мы просто смотрим.

Услышав ожидаемый ответ, продавщица удовлетворенно вернулась на свое место, а мы двинулись дальше, бросив последний взгляд на окаменевшего владельца, которого от манекена можно было отличить лишь по руке, медленно поглаживающей волосы.

Но вот стойки с вещами закончились. Что ж, все хорошее когда-нибудь кончается, кончились и товары в этом бутике. Я посмотрела на часы. До конца обеда оставалось каких-то десять минут, пора на работу. Жаль покидать такой спектакль, не увидев заключительной сцены, но делать нечего. Кивнув Иринке, я, не оборачиваясь, энергично пошла к выходу, зная, что она следует за мной.

На пороге меня чуть не сбила счастливая парочка. Они держались за руки и хихикали, как подростки, хотя им было прилично за сорок. Разумеется, любви все возрасты покорны, но уж очень развязно они себя вели. Я внимательнее присмотрелась к ним. Лица у них были распаренные и смутные, как бывает после доброй порции выпивки или неумеренного секса.

Не успев зайти в магазин, дамочка громко воскликнула:

– Никто меня не искал? Этот занудный Антипов не приезжал? – Не дожидаясь ответа и не обращая внимания на предупреждающие взмахи продавщиц, прячущихся за стойками от этого самого Антипова, она вбила очередной гвоздь в крышку своего гроба: – Как он мне надоел! Сделайте то, сделайте это! Как будто меня муж сюда для этого устроил...

Мужчина не торопясь закрыл журнал, положил его на журнальный столик и поднялся, напомнив присутствующим грозного бога возмездия. Дамочка застыла, по инерции продолжая нелепо хихикать.

Он сурово проговорил, явно не собираясь спускать этой маловоспитанной особе ее хамство:

– Конечно, я вас к себе принял не для работы, а чтобы вы в это время мужиков ублажали. С чего вы решили, что здесь бордель? Муж считает, что вы на работе, а вы по чужим постелям кувыркаетесь? Даже знаю с кем. – Обратившись к ее спутнику, презрительно бросил: – Вашей жене, Павел, это тоже будет весьма и весьма интересно. – Отвернувшись от начавшего стремительно бледнеть Павла, сухо сообщил провинившейся: – Кстати, Клавдия Борисовна, можете считать, что вы здесь больше не работаете. Но это для вас привычно, не так ли? Сколько мест вы поменяли за последние два года? Припомнить сможете? – Повернувшись к менеджеру, властно распорядился: – Подготовьте документы к увольнению за утрату доверия. Если есть возражения, пусть обращается в суд, я там охотно объясню, чем вызвана такая формулировка.

Закончив свою разгромную речь, он, не дожидаясь ни оправданий, ни объяснений, повернулся и бесшумно исчез в дверях служебного помещения.

Парочка застыла в неподдельном ужасе, не веря, что такое могло произойти, а я, дернув за рукав, заставила застывшую подружку выйти на улицу. Пока мы по скользкому асфальту добирались до библиотеки, она без перерыва причитала:

– Ничего себе, какой тип! Злющий такой... Вначале он мне понравился, но теперь у меня от него аж мурашки по коже бегут... Как хорошо, что мы у него не работаем...

Мне пришлось встать на защиту справедливости:

– Ты не права. Он не злющий, просто защищает свои интересы. Если он будет потакать бездельницам, то тут же разорится.

Умом этот постулат Ирина принимала, но ее мягкое сердце с ним было категорически не согласно. Мне, если честно, эта сцена тоже была неприятна. Хотелось, чтобы возмездие настигло виновную без моего присутствия. Взволнованная Иринка заглянула мне в глаза, не в силах выкинуть из головы увиденное.

– А разве правильно уволить сотрудника за то, что он э... – она замялась, не зная, как культурно обозначить поведение великолепной Клавдии Борисовны, – гуляет, пусть и в рабочее время, по статье за утрату доверия?

Мне не хотелось вступать в юридическую дискуссию, тем более что я полный профан в этой области. По моему мнению, за такое поведение вполне можно уволить по любой статье. Да и откуда нам знать, что там происходит? Может, она уже полмагазина вынесла... На последних минутах обеденного времени мы заскочили в библиотеку, боком прокрались мимо с осуждением глядевшей на нас регистраторши и разлетелись по своим отделам.

Махнув Иринке на прощание рукой, я прошла в выкрашенный скромной серой краской служебный отсек и открыла дверь в отдел комплектования, где проработала вот уже четырнадцать лет, четыре последних – заведующей, то есть маленьким, но начальником. Боюсь, что начальник из меня не ахти какой – власть меня сильно утомляет, удовольствия от своего звания я не испытываю. Не хватает во мне чего-то, амбициозности, возможно.

На меня вопросительно глянуло три пары настороженных глаз. Все мои работники были уже на своих местах. Я нервно подняла голову. Стрелки больших часов на стене дрогнули и показали ровно два. Стянув с головы шапку, я, чтобы не опоздать, быстро уселась на место, не показав-таки дурного примера подчиненным. Мои милые дамы все поняли, но сделали вид, что так и должно быть. Только Лидия Антоновна, хохлушка предпенсионного возраста, ехидно намекнула на непорядок в моей одежде:

– Что, куртку-то снимать не надо?

Конечно, надо, но шкаф-то у нас в другой комнате, и разденсья я там, не смогла бы так пунктуально восседать теперь на рабочем месте. Чтобы не шокировать правдой коллег, нахально соврала:

– Холодно мне, знобит немного. Мы с Ириной весь обед проходили по улице, а теперь я согреться не могу.

В Лидии Антоновне враз разыграли материнские чувства.

– Так и заболеть можно! Надо выпить горячего чаю с лимоном и медом!

Чтобы слова не расходились с делом, она включила чайник и вытащила из холодильника баночку с медом.

Моя заместительница Аля, или, вернее, Алевтина Павловна, была далеко не так проста. Она с улыбкой посмотрела на меня, намекая, что актриса из меня не очень. Ну, ее-то я провести и не пыталась: у нее двое маленьких детей, хотя она моложе меня на десять лет. У Лидии Антоновны тоже были две дочери, но они давно выросли, и она разучилась различать фальшь по голосу. Третий член моего коллектива, юный библиотекарь Марина, недавно пришедшая к нам из колледжа, и вовсе ничего не заподозрила. Более того, с искренней тревогой захолопотала:

– Аня, обязательно выпейте чаю с медом, а не то заболите! Что тогда без вас мы будем делать?

Не стоит думать, что ею руководит беспокойство за мое здоровье. Она волнуется исключительно по поводу лишней работы, которая на нее навалится, если я заболею. По молодости лет она считает, что вселенная создана с единственной целью – чтобы ей жилось легко и комфортно.

Глядя на такие разные, но ставшие родными лица, с радостью подумала, как же мне нравится наш маленький коллектив. У нас не бывает споров, дразг, скандалов, даже нелепых недоумений, так часто случающихся в женских коллективах. Хотя у каждой из нас свой бзик: я, к примеру, всезнайка, что порой изрядно раздражает моих собеседников; Марина эгоистична; Лидия Антоновна чересчур напориста. Мне бы половину ее энергии, я бы горы свернула. Не знаю, как ее муж-пенсионер и дочери выносят такое обилие неустанной заботы. Если бы моя мамуля меня так агрессивно опекала, я давно бы сбежала на край света. У нас только Аля была

сущим идеалом. Всегда веселая, открытая, дружелюбная – работать с ней сплошное удовольствие.

Мне вообще нравится наша библиотека. Книги – уникальное явление человеческого разума. Они создают позитивную ауру и словно отбрасывают отсвет на всех с ними соприкасающихся. В свое время возможность читать все, что хочется, перевесила доводы рассудка – я пренебрегла и хорошей зарплатой, которую могла бы получать в другом месте, и прочими жизненными благами. А читать я отчаянно люблю. Для меня в этой жизни существует всего три удовольствия – чтение, музыка и вкусная еда. И еще мне нравятся наши сотрудники. Люди в библиотеке в основном работают милые. Особенно мои подруги. Мы пришли сюда практически в одно время и теперь как-то враз стали заведующими разными отделами. Но из всех подруг ближе всех мне, конечно, Иринка. Или, точнее, Ираида Матвеевна.

Иринка жутко не любит свое имя и стеснительно относится к отчеству. Но не мне ее осуждать – ведь я и сама по паспорту Феоктиста. Еще в детском саду я всем велела звать меня Аней, просто потому, что ни Фисой, ни Тисой я быть не хочу. Но не нужно думать, что я его стесняюсь. Наоборот, мне очень нравится мое имя, просто я его берегу, чтобы не затрепали. Феоктиста означает «царская», вот и доставать его надо только по праздничным дням.

Попарившись для приличия в верхней одежде еще пару минут, я ушла в подсобку, где у нас стоял шифоньер, сняла куртку, надела вместо сапог туфли. Прошла в служебный туалет, вымыла руки и вернулась в отдел. Проходя мимо зеркала, заметила, что волосы стоят дыбом. Пришлось снова пригладить их руками – возвращаться в туалет, чтобы причесаться, было лень. Кому тут меня рассматривать? Коллеги давно привыкли к моему зачастую не то чтобы неопрятному, но и не изысканному виду.

Лидия Антоновна уже налила мне горячего чаю, щедро сдобренного лимоном и медом. Я не люблю ни чай, ни кофе, но покорно выпила приторный напиток, чтобы сделать приятное хлопотливой Лидии Антоновне. Почувствовав себя моей спасительницей, она нравоучительно погрозила мне пальцем:

– Если замерзли, меры надо принимать сразу!

С этим я была полностью согласна. Любые меры всегда нужно принимать сразу. Потом бывает поздно.

Начали работать, но в памяти то и дело всплывало ощущение скрытой силы и непонятного напряжения, охватившего меня в магазине рядом с его владельцем. Сначала я объясняла это с агрессивной личностью мужчины, но теперь засомневалась. Чувство было сугубо внутреннего, а не внешнего порядка. Может, предчувствие неприятностей? Предупреждение? Раньше я никогда не придавала значения таким пустякам, но от этого ощущения не могла избавиться весь день. Более того, когда на следующий день мы с Иринкой в обед проходили мимо вчерашнего бутика, я невольно вздрогнула, когда из дверей стремительно вышел высокий мужчина, и успокоилась только тогда, когда убедилась, что это не он.

Ирина, будучи все еще под впечатлением вчерашнего события, затеяла философский разговор о жутких нравах сегодняшних предпринимателей. Но постепенно сбилась на обсуждение личных качеств конкретного бизнесмена, уж очень он запал ей в душу.

– Внешне он, конечно, совсем даже ничего. Но слишком уж безжалостный. Ты заметила, какой сталью сверкали его глаза, когда он эту дамочку увольнял?

Я ничего такого не заметила. Наоборот, мне показалось, что ему создавшаяся ситуация сильно не нравится. Выгонять с работы человека, пусть и редкостную лентяйку, удовольствием не назовешь. Глаза у него, возможно, и сверкали, но вовсе по другой причине – от неприятной ситуации, в которую он угодил. Добрым дяденькой быть всегда приятнее и легче, чем суровым и безжалостным. Но Ирина, как дама экзальтированная, постоянно привносила в нашу скучную жизнь накал шекспировских страстей. Я не спорила – если ей хочется, чтобы злодей

хозяин выгнал за порог бедную невинную продавщицу, то пусть так и будет. Воодушевленная моим непровинением, подруга продолжила:

– У меня до сих пор по коже мурашки идут, как вспомню, как он сидел там за шубами и молча ждал! Как паук в засаде!

А вот в этом я была полностью с ней солидарна. В самом деле, было в нем нечто, заставляющее ему не противоречить. Я обычно не слишком чувствительна, и меня не подавляют властные мужчины, но с этим, повстречайся он мне на пути, пришлось бы считаться. Хорошо, что мы из разных кругов общества и наша повторная встреча вряд ли возможна.

Через пару недель мы с Иринкой снова, проходя мимо, от нечего делать заглянули в тот же магазинчик. Сбившиеся в тесную кучку продавщицы вяло посмотрели на нас и продолжили прерванный разговор. Та самая, что в прошлый раз краснела и бледнела, не желая выдавать коллегу, рассудительно говорила:

– Да он ее мужу ничего не сказал. Просто муж какой-то родственник матери хозяина, вот и позвонил ей, чтобы узнать, за какие грехи любимую женушку выставили с работы. А Мария Владимировна врать не станет. Она сама с трудом у сына подробности этой пикантной истории вытянула, да и дуреху ту она не жалуется. Вот почему Клавка теперь всем на жестокость бывших родственников сетует...

Женщины зашумели. Кто осуждающе, кто жалостливо. Кто-то сказал:

– Она, конечно, глупая, но добрая...

Это я слышала не в первый раз. Почему шлюхи и пьяницы всегда добрые? Правда, не в неудовлетворенном состоянии, тогда они, наоборот, злые...

Высокая, ярко накрашенная продавщица выпалила с нескрываемым ожесточением:

– Клавка думала, раз она почти родственница, ей все с рук сойдет. Она у нас за полгода, что кантовалась, ни дня полностью не отработала. Все у нее какие-то причины были удрать пораньше и прийти попозже...

Менеджер посмотрела на часы, оглянулась на дверь за рекламным щитом и предупредила:

– Осторожнее! Почти полпервого! В последнее время он у нас постоянно появляется именно в это время!

Высокая возмутилась, предусмотрительно понизив голос и для безопасности повернувшись лицом к двери в служебное помещение, дабы не прозевать появление вредоносного хозяина:

– И чего он к нам повадился, ведь фирма-то огромная! У него, кроме нашего, магазинов не счесть, и ресторанов, и кафе! Проверять бы лучше их! – И озаренно добавила, махнув рукой на миловидную тихую девушку: – Может, он из-за Наташки сюда зачастил?

Продавщицы изучающе воззрились на бедную Наташку. Испуганно побледнев, та замала руками и от подобной чести отказалась:

– Да прямо! Я тут три года работаю, а ездит к нам он только полмесяца. И мы здесь целые дни торчим, в любое время приехать можно. Нет, тут что-то другое.

Менеджер погрозила подопечным пальцем, пугливо оглядываясь назад, и девушки шустро рассыпались по залу.

Мы с Иринкой уже рассмотрели те самые роскошные шубы из колонка, из-за которых в прошлый раз разгорелся сыр-бор, и ушли, не дожидаясь появления грозы здешних мест. Едва выйдя из здания, Иринка возбужденно выпалила:

– А не нас ли он поджидает? Мы как раз с тобой здесь были около часу! И было это пару недель назад!

Вот это фантазия! На грани буйного помешательства! Я насмешливо подтвердила:

– Ага, он влюбился в тебя с первого взгляда. А твою желтую китайскую куртку посреди собольих шуб ему по гроб жизни не забыть...

Но Ирина от моих саркастических слов в ум не пришла. Наоборот, глубоко задумалась, что для меня ничего хорошего не сулило. Через пару минут выдала на-гора результат усиленной умственной деятельности:

– Да он не на меня смотрел, а на тебя. Все поглядывал на тебя исподтишка, когда считал, что его никто не видит. Я раньше думала, что он боится, как бы мы чего не вынесли, но теперь поняла, что намерения у него были другие...

– Ага, это он нас хотел унести...

Она терпеливо поправила:

– Не нас, а тебя. Конкретно тебя.

Восхитившись, я поблагодарила ее низким поклоном:

– Вот что значит настоящий друг! Отказываться от богатого жениха ради подруги – это подлинная жертвенность!

Ирина насупилась.

– Тебе бы только смеяться, а я серьезно...

Как меня порой достают Иринкины вымыслы! То одно она выдумает, то другое ей придется. Всем она хороша, но ее физическая неспособность спокойно пройти мимо привлекательной мужской особи меня просто угнетает.

– Конечно, я так безумно хороша, что ни один мужик равнодушным не останется. Об этом легенды скоро будут распевать. Тобой сочиненные.

Она пропустила мой сарказм мимо ушей. Рассудительно уточнила:

– Ты очень даже симпатичная была без шапки, с румяными щечками. Глазки так блестяли...

Начав сердиться, я прервала идиотский поток восхвалений:

– Ты тоже была сама красота. Тоже с распущенными волосами, румяными щечками и блестящими глазками да еще и огнем во взоре. Так что теоретически влюбиться он мог в нас обеих. Не хочешь вернуться и спросить у него, в кого именно? Он наверняка приехал.

Возвращаться она не захотела, и мы благополучно пришли в библиотеку, причем Иринка пребывала в эйфорическом состоянии, сочтя свою догадку судьбоносной. Я решила больше не только в магазин, но и мимо него не ходить. Во всяком случае, с Иринкой. Так и замуж меня ненароком выдаст, а я и лица-то напророченного мне жениха не помню. Я очень плохо запоминаю лица.

Однако на следующий день мне пришлось вспомнить его физиономию. Проходя после работы мимо «Элитных мехов», я заметила, как подле стоявшей у входа крутой черной иномарки копошились сомнительного вида парни. Они походили на типичных уличных воришек, из тех, что промышляют кражами из автомашин, ну и прочими мелкоуголовными делишками не брезгают. Машина молчала, покорно позволяя делать с собой все, что им заблагорассудится.

Но не так уж она была проста, как казалась, потому через миг после того, как была открыта дверца, из магазина выскочил крупный мужчина в костюме и кинулся на взломщиков с кулаками. Сзади для поддержки и устрашения прыгала пара внушительного вида охранников. Но мужик и без помощников вполне справлялся. Двинув одному из воров в зубы, он треснул второго, а третьего, пытавшегося убежать, схватила охрана.

Попавшиеся парни заканючили старую как мир песню о своей тяжелой доле, выжимая слезу. Но этого типа такой ерундой было не пронять. Он спокойно вынул из кармана сотовый телефон и вызвал милицию, велел крепким охранникам связать молодчиков. Те так и сделали. Впрочем, они их даже не связали, а, вытащив из карманов пластмассовые наручники, защелкнули на запястьях пойманных.

Поежившись, я сделала шаг назад. Я вовсе не любитель острых ощущений, а тут их было навалом. Как законопослушной гражданке мне надо было поощрять ловкость владельца коварной машины, но сочувствие вызывали воришки – бледные, голодные и несчастные. Конечно,

я воспринимала происшедшее, как простая сентиментальная женщина, и единственное, чего мне сейчас хотелось, это накормить этих несчастных парней с потухшими глазами. Заметив непрошеную зрительницу, в мою сторону повернулся владелец машины. Увидев властное чеканное лицо, я тут же узнала хозяина мехового магазина.

Он смерил меня неприязненным, жестким взглядом, явно оценивая, являюсь ли я соучастницей пойманной банды или нет. Я ответила ему возмущенным, надеюсь, не менее непреклонным взором. Ему это не понравилось. Заметив на моем лице явное сочувствие воришкам, он сердито проворчал охранникам что-то вроде «все бабы дуры». На это я только пожалала плечами – зачем же мазать всех людей одной краской? Ну, не понравилась я, так и говори прямо. Его возмутила моя откровенная мимика, он свирепо на меня посмотрел, и вдруг что-то изменилось. В его глазах мелькнул огонек узнавания, и лицо тут же из неодобрительного вдруг превратилось в озабоченное. Но я скорее всего ошиблась – с чего ему меня узнавать? Мы с ним и виделись-то только один раз.

Он странно дернулся, сдвинув брови, потом сделал ко мне пару широких шагов, заставив меня опасливо попятиться. Я уж думала, что он вот-вот схватит меня за рукав, но тут, на мое счастье, подлетела милицейская машина с включенными мигалками, разделив нас. Я печально посмотрела на ставших зеленоватыми парней, быстро повернулась и ушла, не желая видеть продолжение. Хозяин магазина несколько раз настойчиво прокричал мне вслед:

– Девушка, подождите!

Но роль свидетельницы происшествия мне абсолютно не импонировала, и я ускорила шаг, сделав вид, что ничего не слышала.

Вышедший из милицейской машины капитан задал ему какой-то вопрос, ему пришлось отвечать, и преследовать меня он не смог.

Чтобы избежать возможного продолжения разборки, больше я за всю зиму в этом магазине не была и даже мимо старалась не проходить.

В феврале, как обычно, спешила утром на работу. У самой библиотеки меня обогнала красивая иномарка глубокого синего цвета. Я решила, что она вполне сочетается с цветом моих глаз, жаль, что не моя. Из машины, как я и ожидала, эффектно выпорхнуло эфемерное создание в норковой шубке с распущенными по воротнику золотистыми волосами. Я зову это существо Викусей – это краткое имя от Виктории. Если честно, эта сверхпреlestная девица меня ужасно забавляет, так сказать, украшает мою пресную жизнь. Сама же она считает, что я ее терпеть не могу, и отвечает мне пылкой взаимностью.

Убедившись, что между мной и Викусей образовалось достаточное разделительное пространство, я вошла в здание. Настроение у меня с утра было несколько раскисшее, и обмениваться колкостями с любимой неприятельницей совершенно не хотелось. К моему удовольствию, мой маневр удался, и к себе в отдел я проскочила незамеченной. Спасибо большому зеркалу, к которому прилипла Викуся, оценивая свой внешний вид и никого вокруг не замечая.

Мне стало жаль Капитолину Анатольевну, начальницу этой безмозглой феи. Викуся на работу ходит с одной целью: показать себя миру. Каждый раз при встрече у нас происходит небольшая перепалка, после которой я все больше убеждаюсь в правильности народного мнения о блондинках. Тупость плюс уверенность в своей неотразимости сотворили из нее ходячий анекдот, и я просто физически не могу пройти мимо нее, не насладившись ее очередным идиотическим перлом.

Иринка давно просит меня не связываться с Викусей. Она боится последствий. Викуся – дочурка одного из больших областных шишек, и ее голыми руками не возьмешь. Но у меня на этот счет другое мнение: я уверена, что ее папочка и не подозревает о наклонностях своей милой дочурки. Откуда ему знать, что она откровенная бездельница, ему же никто об этом не докладывал...

Порой, глядя на череду шикарных машин, привозящих Викусю по утрам и увозящих вечером, мне, как и ее бедной начальнице, хотелось счастливо выдать ее замуж и со слезами умиления распрощаться с ней навсегда. Но вот с замужеством у нее что-то не получалось, а ведь пора бы уже: двадцать четыре года – далеко не розовая юность. Но вот замуж поклонники ее брата, увы, что-то не торопились. Возможно, предусмотрительный папочка явным прохвостам отказывал, а достойных парней в ее сетях не оказывалось?

Глава 2

Чуть заметно морщась от неприятной встречи, я прошла в отдел, где меня ждало очередное малоприятное известие: у черного хода стояла машина с книгами из библиотечного коллектора. Натянув рабочие телогрейки и белые хлопчатобумажные перчатки, мы начали разгрузку.

* * *

Перетаскивая тяжеленные пачки, мы всего за полчаса покрылись потом и тяжело пыхтели. И тут с улицы, будто укоряя нас своим изысканным видом, появилась светящаяся от блаженства Викуся. И не одна. С ней шел крепкий, мускулистый парень в одном легком костюме явно не по погоде. Наверняка на улице осталась стоять в ожидании хозяина роскошная машина.

Викуся ухватила кавалера за руку с видом амазонки, заарканившей соседнего царя. Мужчина держался непринужденно, но особой радости не выказывал. И чего ей вздумалось проволочь свой трофей через наш вход, не знаю, – обычно он закрыт на ключ. Заметила нас и решила воспользоваться моментом, чтобы продемонстрировать добычу? И ей бы это удалось, если бы она не захотела лишний раз подчеркнуть мое убожество. Сморщив точеный носик и окинув меня надменным взглядом, она брезгливо заявила:

– Какая вы взмыленная, Аня! Вид у вас как у перепарившейся банщицы...

Она произнесла эту глуповатую фразу в полной уверенности, что я немедленно сконфужусь и попытаюсь быстренько провалиться под землю. Меня же ее постная физиономия привела просто-таки в экстатический восторг. Как же мне нравится это тупо-заносчивое выражение ее лица, которое появляется у нее каждый раз при нашем разговоре! Я немедленно радостно захихикала, приведя в недоумение ее спутника, который посчитал, что у меня с головой не все ладно. Широко улыбнувшись, я легко согласилась с ее предположением:

– Конечно! Это вполне ожидаемый результат! Мы участвуем в конкурсе «Берешь больше, кидаешь дальше!»! Предлагаю и вам принять в нем посильное участие, между прочим, очень помогает крепкому сну! – Я насмешливо посмотрела в скучающее лицо ее спутника и коварно предложила: – Не хотите проверить?

Он пару раз моргнул, не зная, как отнестись к такому повороту дел. Викуся же нервно подпрыгнула, быстро махнула рукой, отметая мое безобразное предложение, вцепилась ему в рукав и попыталась утащить из опасного места. И тут я меланхолично проговорила, заставив его замереть:

– Конечно, силы вам нужно беречь, ведь по ночам спать явно не приходится. Викуся – девушка требовательная... – Это прозвучало не слишком порядочно, признаю, но нужно сделать скидку на мои усталость и досаду...

Тут и Лидия Антоновна подлила масла в огонь, принципиально не глядя в сторону дурно воспитанной молодежи:

– Да не будут они нам помогать, что вы! Виктория на работу спешит... – сказано это было так, что мы все сразу засомневались, а работает ли та вообще, что было совершенно справедливо, – а нынешние мужчины себя берегут, им не до помощи пожилым женщинам...

За спиной сладкой парочки я с воодушевлением показала Лидии Антоновне большой палец. Вот что значит моя школа. Когда она десять лет назад пришла в наш отдел, была сама чопорность и представить себе, что она станет говорить незнакомым людям подобные вещи, было просто невозможно... Тем более намекать, что она пожилая женщина... Хотя, может быть, она имела в виду меня? Марина с Алей на это звание не тянули ввиду явного недостатка лет.

Развеселившись новому статусу, я подхватила две пачки и в хорошем темпе промчалась мимо застывшей в коридоре парочки. За мной, негодуяще посверкивая глазами, проследовали все мои сотрудницы. Когда я возвращалась за очередной партией, мне навстречу прошел Викусин спутник с четырьмя пачками в руках. Он держал по две в каждой руке, довольно небрежно ими помахивая. На руки он надел кожаные перчатки, чтобы не порезать пальцы острыми бечевками. Его геройство меня впечатлило, и я предложила:

– У нас есть запасная пара хлопчатобумажных перчаток, дать их вам, чтобы вы свои не испортили?

Он небрежно фыркнул:

– Да какая ерунда, у меня перчаток больше нет, что ли? – намекая, что он не из нищих слоев населения.

Моя едва зародившаяся к нему симпатия умерла в зародыше, не успев достичь младенческого возраста. Я вздернула брови и молча прошагала дальше. Пока мы таскали пачки, я краем глаза поглядывала на него. Нет, я вовсе не боялась, что он утащит наши книги. Просто на него приятно было смотреть. Несмотря на снобизм, работал он споро. Мне неловко признать, но он один сделал столько, сколько мы все вместе. Он и носил по четыре пачки зараз, и умудрялся за один наш переход сделать два. В результате такой действенной помощи мы управились гораздо раньше, чем ожидали.

Отпустив довольного водителя, я в приступе филантропической благодарности пригласила невольного помощника испить с нами чаю. А как бы я еще могла выразить свою признательность? Если учесть, что я не люблю видеть в своем отделе посторонних, то с моей стороны это был более чем великодушный жест.

Услышав это приглашение, мои коллеги изумленно переглянулись и предупредительно удалились, дабы не мешать мне охмурять потенциального кавалера. Марина, правда, уходить не хотела, считая, что она гораздо больше подходит молодому красавцу, нежели жалкая старушонка вроде меня, но Лидия Антоновна силой утащила ее в отдел, цепко ухватив за локоть.

Мужчина заколебался, сухо глядя на меня. Вспомнив, что его ожидает Викуся, повернулся, чтобы уйти. Но почему-то замедлил шаг и обернулся, рассматривая мое лицо. В нашем коридоре всегда было темновато – библиотека сэкономила электричество, и, чтобы разглядеть меня получше, он вернулся и встал почти вплотную, заломив бровь. Этот странный интерес вызвал во мне непонятную панику, и я поспешно ретировалась в отдел. Он непринужденно вошел за мной. Учтиво поблагодарил меня за гостеприимство, и мне не оставалось ничего другого, как пригласить его за стол.

Мои хитромудрые дамы уже вскипятили чайник и расселись за нашим обеденным столом, оставив свободными два места рядышком. Мне пришлось устроиться у окна, и он, воспользовавшись ситуацией, быстро сел рядом. Всегдашняя блюстительница чистоты Лидия Антоновна укоризненно проговорила:

– Вы что, грязными руками есть будете?

Посмотрев на свои ладони, я признала ее правоту. Они и в самом деле были противного серого цвета. Пришлось встать. Гость тоже поднялся, и мы дружно прошли в наш служебный туалет, причем я затылком чувствовала его сверлящий взгляд. И что ему от меня нужно? Я и вижу-то его первый раз в жизни...

Мы молча вымыли руки в нашем скромном умывальнике, намылив их одним куском мыла. Эта простая гигиеническая процедура показалась мне до такой степени интимной, что я покрылась розовым поросычьим румянцем. Стараясь смягчить его, под удивленным взглядом мужчины ополоснула лицо холодной водой, промокнув кожу одноразовым бумажным полотенцем. Хорошо, что косметики на мне – ноль, не то бы я превратилась в полосатое страшилище.

Вернувшись, мы сели во главе стола, как молодожены на свадьбе. Лидия Антоновна, любившая чувствовать себя незаменимой, налила нам по чашке и придвинула блюдце с печеньем. Гость с наслаждением отпил чаю и с восхищением спросил:

– Что за сорт? Никогда такой вкусноты не пил...

Мы посмотрели на прищурившуюся от удовольствия Лидию Антоновну. Она кокетливо дернула плечиком, будто не придавая никакого значения таким пустякам:

– Да это просто листочки со своего огорода. Смородина, малина, земляника и прочая зелень...

Он уважительно протянул:

– Вкусно... – и быстро выпил все, что было в его чашке.

А мне совершенно не хотелось ни есть, ни пить. Как говорится, кусок не лез в горло. Сидеть рядом с ним было крайне неловко. Мне казалось, начни я с ним прилюдно обниматься, хуже уже не будет. Почему, не понимала – он ничего смущающего меня не делал. Просто от него шла волна странного напряжения, которое я чувствовала так остро, что мне отчаянно хотелось оказаться как можно дальше от нашего непритязательного стола.

Делая вид, что все очень вкусно, я втайне надеялась, что кто-нибудь из наших любопытных дам спросит его имя-отчество, самой мне узнавать такие подробности было несподручно. Если точно, то я попросту стеснялась, как тинейджер. Но наши дамы с таким увлечением обсуждали возможности замены чая собственноручно выращенными суррогатами, что о такой мелочи попросту забыли. Я поднесла чашку к губам, сделала небольшой глоток и чуть не подавилась, потому что в этот момент он повернул голову и в упор посмотрел на меня.

Взгляд был темный и непонятный. В нем сквозило даже что-то хищническое. И только тут я вспомнила, кто это. Нашим не совсем добровольным помощником оказался владелец того самого бутика, что уволил сотрудницу за аморальное поведение. Он хмуро улыбнулся. Мне казалось, что сейчас он скажет нечто вроде «наконец-то узнали», но, к моему облегчению, тут к нам с обвинительным видом ворвалась Викуся. Завидев друга сидящим чуть ли не в обнимку со своим закадычным врагом, она гневно взвизгнула:

– Ты здесь чай пьешь, а я тебя битый час жду!

Он с откровенной досадой неприязненно сверкнул глазами.

– А кто заставляет? Я бы тебя потом и сам нашел...

У нее от возмущения на щеках выступили пунцовые пятна. Поняв, что сейчас она примется обвинять его во всех грехах, он недовольно встал, корректно попрощался с нами и вышел. Викуся, неприязненно фыркнув в нашу сторону, пошла следом. Ее надменно вытянутая спина выражала яростное негодование. Она явно сто раз пожалела о своей глупости, но сама виновата – не надо было демонстрировать нам своего, как выяснилось, не такого уж послушного бойфренда. Мне впервые за наше с ней знакомство захотелось искренне поблагодарить ее за пусть пассивную, но очень действенную помощь, но я не стала сыпать ей соль на раны. Не столь уж я жестока.

После его ухода меня сразу отпустило, и я выпила чай, заедая его пригоршней печеньюшек. У меня подрагивали руки, конечно, только от перенесенных тяжестей, от чего же еще?

Лидия Антоновна, посмотрев на дверь, с одобрением сказала:

– А силен парень! Столько таскал и даже не запыхался! В моей молодости бывали у нас такие богатыри, но теперь... – И она пустилась в философски обоснованные рассуждения о хлипкости нынешней молодежи.

Поскольку я себя к современной молодежи уже не причисляла, то с удовольствием ей поддакивала, подначивая молодых на творческий спор. Но Алевтина с Мариной слишком устали, чтобы поддаваться на провокации. Мы молча пили чай, отдыхая и восстанавливая дыхание. А еще говорят, что библиотечный труд легкий. Попробовал бы тот, кто эту ерунду говорит, потаскать тяжеленные книги. Сразу бы передумал. Мы-то еще носим не так много. А вот в

читальных залах и книгохранении, где за день хрупкие женщины переворачивают по несколько тонн, под конец дня, бывало, руки отваливаются...

Ровно в шесть вышла в вестибюль, дождалась Иринку, и мы неспешно пошли по аллее мимо библиотечного фасада, вдоль которого выстроились машины, приехавшие за редкими счастливицами. Главным образом это были не очень довольные своей участью мужа, но встречались и друзья, с нетерпением поджидавшие своих подруг. У меня эта идиллия никаких черных мыслей не вызвала, но вот Иринка, слишком уж чувствительно относящаяся к чужому счастью, завистливо вздохнула:

– Знаешь, как мне порой хочется, чтобы и за мной тоже приезжал друг на крутой иномарке...

Что ж, я ее вполне понимала. Мне тоже порой хотелось простого женского счастья, пусть и не выраженного подобными показушными атрибутами, и я согласно кивнула. Но от некоторого сарказма все же не удержалась:

– А лучше не на иномарке, а на танке. Представляешь, какой кайф ехать по забитым машинами улицам на танке и никого не опасаться? Никакие пробки и гаишники не страшны...

Иринка вяло пожалала плечами, но не возразила. Вот за это она мне и нравится – она спускает мне любой вздор. Я вот ляпнула совершенную чушь, вернув ее на грешную землю, и, можно сказать, ткнула носом в недостижимость мечты, а она только плечиками пожимает. Чтобы оправдаться перед ней и утешить хоть немного, я принялась в красках расписывать ей сегодняшнего супермена, поспешившего на помощь слабым женщинам. Что это тот самый владелец бутика, с которым нам уже приходилось сталкиваться, не уточнила.

Выяснилось, что я немного перестаралась, потому что из черного джипа с тонированными стеклами и чуть-чуть приоткрытым окном, около которого мы так привольно обосновались, внезапно появился этот самый супермен с неприкрытой угрозой во всем своем облике. Я тут же мысленно стукнула себя по лбу. Ну почему, почему я никогда не обращаю внимания на безмолвно стоящие рядом машины и болтаю что ни попадя? Ирина уставилась на него со свойственным ей наивным выражением лица, а я с преувеличенной радостью вскричала, стараясь смягчить негативный эффект от своих необдуманных фраз:

– А вот и наш спаситель. Так сказать, наш скромный герой...

От этих слов, которые он явно принял за очередную издевку, мужчина набычился, что ему совершенно не шло, и язвительно спросил:

– Вы нормально разговаривать-то умеете? Не говорить гадости о ближних?

На эти несправедливые слова я несколько обиделась, ведь никаких гадостей я о нем не говорила. Во всяком случае, пока. Но скажу, если уж ему так хочется...

Иринка, чувствуя, что я тоже завожусь, немедля бросилась гасить разгорающийся пожар:

– Ну что вы, Аня ничего плохого о вас не говорила! Наоборот, только хорошее! Вы же сами слышали! Я даже подумала, что вы ей очень, очень понравились!

Он перевел вопросительный взгляд на меня, и я, чтобы поддержать фантазмагорическую версию подружки, сделала круглые сливочные глаза и усиленно закивала, услаждая его широкой масляной улыбочкой. Иринка с нескрываемым осуждением уставилась на мою умопомрачительную гримасу, а красавца от приговора за мое убийство спасла вовремя появившаяся Викуся. Вновь заметив собственного кавалера в окружении библиотечных дам, быстро, почему-то боком, по-вороньи, подошла к нам, втиснувшись между мной и своим бойфрендом, разделив нас телом, или, вернее, скользкой норковой шубкой. С некоторым беспокойством глядя на меня, пропела хриловатым сексуальным голоском:

– Милый, извини, я немного задержалась. Меня заставили писать объяснительную. Из-за этой особы, между прочим... – Она обвиняюще посмотрела на меня в безосновательной надежде на мое раскаяние.

Но она, как обычно, ошиблась: для меня ее признание прозвучало райской музыкой. Я расплылась в такой откровенно блаженной усмешке, что Викуся почувствовала себя плохо. Она не привыкла доставлять столько радости своим недругам. Отвернувшись от нас с видом оскорбленной невинности, села на место пассажира и призывно помахала рукой водителю. Но он продолжал стоять, глядя на меня и собираясь еще что-то сказать. Но я решила быть снисходительной. Викуся уже принесла мне сегодня столько удовольствия, что вполне заслужила краткий перерыв. Я лояльно предложила:

– Вы езжайте уже. На мою неземную красоту долго любоваться не рекомендуется. А то проблемы с подругами начнутся...

Услышав намек на свою возможную мужскую несостоятельность, он аж в лице переменялся. Но я не стала выслушивать его возражения. Просто взяла под руку стоявшую как верстовой столб Иринку, и мы пофланировали дальше, беседуя исключительно на светские темы, а именно о приезде в наш город Аллы Пугачевой и стоимости билетов на ее концерты. За спиной раздались не совсем приличное восклицание, потом шум заработавшего мотора и, наконец, тихое шуршание шин.

Мне очень хотелось оглянуться, дабы удостовериться, не желает ли этот тип нам отомстить, раздавив своей машиной, но я удержалась, в скором времени рассчитывая узнать это более осязаемым путем. И в самом деле, через минуту стало ясно, что он просто уехал, не сделав никаких попыток продолжить нашу интереснейшую беседу.

Иринка моего фанфаронства не одобрила:

– Аня, ну будь ты серьезнее, ты и так его с ума свела. Теперь он о тебе знаешь как плохо думать будет?

Мне было совершенно все равно, как эта сладкая парочка будет обо мне думать: плохо или очень плохо. Но Иринка снова со мной не согласилась:

– Он хороший человек, Аня, а ты его унижаешь ни за что ни про что...

Тут уже возразила я:

– Милая, да разве у такой мадамы, как Викуся, могут быть в друзьях приличные люди? Вспомни старую истину: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты...

Иринка вяло пожалала плечами:

– Ну, если вспомнить, как он обошелся с той дамой в магазине, то он довольно безжалостный тип...

С какой еще дамой? Заметив мое недоумение, она сказала:

– Да помнишь, мы зимой в «Элитные меха» заходили, когда он женщину выгнал, свою сотрудницу?

Тут только я поняла, что Ирина узнала его сразу, как увидела. Память-то у нее гораздо лучше, чем у меня, особенно на привлекательных мужчин. Вскинув подбородок, я отрезала:

– Тогда ты должна понимать, что Викуся вполне достойна такого кавалера!

Иринка решила не лезть в бутылку и согласилась. Я мысленно поаплодировала себе. Как приятно быть всегда правой!

* * *

Февраль закончился метелями и вьюгами, подведя нас к празднованию 8 Марта. В нашей библиотеке это был самый любимый праздник, и готовились к нему рьяно, что понятно – если 99,9% женщины, то не 23 февраля же нам отмечать... Моему отделу наш профсоюзный комитет выдал ряд поручений вроде украшения гуманитарного зала, в котором должно было состояться празднование. С ним мы справились без проблем, развесив разноцветные шарики и амбициозные плакаты типа «Слава российским женщинам!». Приятно читать такие вещи: и делать ничего не надо, хвала тебе уже за то, что ты родилась не мужчиной, а женщиной. Стоило бы

вывесить побольше славословий в адрес матерей, но в нашей библиотеке чересчур много старых дев вроде меня, чтобы задевать такую болезненную тему.

Восьмое марта обещало быть довольно впечатляющим. Не знаю, как с культурной программой, но с едой все было в полном порядке – каждый отдел приготовил по несколько блюд, главным образом салатов, и торжественно выставил их на своих столах. Планировались традиционные конкурсы: на самый красиво оформленный салат, на самый вкусный и на самый необычный. Победителям было обещано шампанское. На мой взгляд, весьма сомнительное поощрение, поскольку я его не люблю. Что вполне объяснимо: мне в своей жизни довелось пробовать лишь дешевое шампанское. Дорогое, возможно, и вкуснее.

К назначенному времени все было готово. За столы еще не садились, и я кучковалась с Иринкой и остальной нашей дружной компанией. Все девушки одеты были сногшибательно. Ирина для этого случая даже сшила миленькое платьице, она недурная портниха. Черное, до щиколоток, из блестящего трикотажа, оно весьма соблазнительно облегалo ее фигуру в нужных местах. Она и мне предлагала шить вечерний наряд, но я решительно отказалась. Я хороша и в старом шерстяном костюмчике. Другие тоже, как и Ирина, красовались в длинных вечерних туалетах. Мы, смеясь, обсуждали достоинства своих нарядов, когда подружка возбужденно ткнула меня локтем в бок, довольно болезненно, между прочим, и прошипела:

– Поверни голову, только осторожно!

Недоумеваю, я выполнила ее команду. Что там могло произойти? Почему-то представилась ползущая к нам узорчатая анаконда. Но, к моему разочарованию, метрах в десяти от нас всего лишь стояла Виктория и уверенно держала под руку внушительную мужскую особь. Платье на ней, на Викусе, конечно, не на особи, было шикарным – это даже я заметила. Из струящегося материала с золотистыми блестками, оно делало ее похожей на новогоднюю елку. Для полного сходства ей не хватало лишь сверкающей гирлянды. Правда, гирлянду вполне заменяли колбе на шее, серьги в ушах и кольца почти на каждом пальце. Видимо, именно для охраны этих драгоценностей рядом с Викусей и стоял высокий крепкий парень с широкими тренированными плечами. Повернувшись к своей компании, я громко сообщила им о своем выводе. Иринка тут же мученически вскинула глаза к небу и прошептала:

– Тише ты, он опять все услышал!

Пожав плечами, я добавила:

– Ну что в этом плохого? Любые драгоценности нуждаются в охране. Кстати, Викуся так хороша, что ее тоже вполне можно продать. За хорошее вознаграждение, естественно.

Похоже, что сей сомнительный комплимент не очень понравился нашей секс-бомбе, потому что она нервно сказала спутнику:

– Пойдем-ка отсюда, здесь слишком дует! – И, схватив его за ладонь, увела подальше от моего ядовитого языка.

Едва они отошли, как кто-то из молодых выдохнул:

– Вот это мужчина! Высший класс!

Я непонимающе подняла брови:

– Кто же из них?

Все девчонки возмущенно загалдели. Оказывается, они имели в виду того парня, что я приняла за охранника. Решив выяснить, что они в нем нашли, я снова повернулась и встретилась взглядом со спутником Викуси. На сей раз я узнала его сразу. Это был тот самый мужчина, что помогал нам перетаскивать пачки, а еще раньше проводил кадровую ревизию в своем магазине. Он смотрел на меня как на мерзкого паука, к тому же с оторванными лапами, – с брезгливостью, но без опаски. Мне стало смешно. Увы, мне часто бывает смешно в самые неподходящие моменты. Я хихикнула прямо в его возмущенные глазенки и быстро отвернулась, чтобы не провоцировать себя на еще более неприличное поведение. Иринка подозрительно спросила:

– Ну что, разглядела? Тот самый, из автомобиля, хозяин мехового бутика. Ты его суперменом называла. Потрясающий парень, правда?

Хотя я ничего особенного в нем не увидела, но согласно покивала, чтобы не отрываться от коллектива. Раз говорят – высший класс, значит, так оно и есть. Не мне судить о степени мужской привлекательности. Я в ней все равно не разбираюсь. Мой покорный жест несколько успокоил Иринку, и она с завистливым вздохом произнесла:

– Везет же некоторым!

Девчонки, не сговариваясь, испустили такое же томное коровье мычание и мечтательно уставились вслед ушедшей парочке. Да, Господь мне явно чего-то недодал, потому что я не разделяла ни одного из их восторженных взглядов. Но какое-то возбуждение тем не менее неприятно пробежало по моим нервам, заставив меня вновь посмотреть на остановившуюся возле окна парочку.

В этот же момент повернулся и Викусин кавалер, поймав мой взгляд, как в тиски. Его обеспокоенные глаза, казалось, что-то мне настойчиво внушали. Я не могла понять, что именно, но по спине враз пробежал холодок, и, с трудом оторвав от его пристальных глаз свой растерянный взгляд, я смущенно уставилась в пол. Уж лучше бы он смотрел на меня, как на ничтожную букашку, с презрением справиться гораздо легче. Сердце забилось неровно, заставляя вспомнить, что, несмотря ни на что, я еще женщина. Это мне категорически не понравилось, и я даже подумала, не удрать ли мне от греха подальше.

Но тут наш директор Михаил Александрович глуховатым баском пригласил всех за стол и попросил открыть шампанское. Я села за столик со своим замечательным коллективом.

Прослушав поздравительные речи, мы отхлебнули согретшегося, весьма противного шампанского, пожевали салатки, посмотрели выступление доморощенных артистов и отправились танцевать. Танцы, естественно, были общими – парные в нашем коллективе не котиrowались. Кому под них танцевать-то?

Через полчаса недовольная такой жизнью Викуся – еще бы, привести на женский междусобойчик потрясного парня и даже не похвастаться им ни разу! – не выдержав, прорвалась к музыкальному центру и включила медленный вальс. Крепко прижимаясь к кавалеру, гордо прогарцевала мимо выстроившихся вокруг женщин, поглядывая на обездоленных с нескрываемым превосходством. Правда, триумф ей подпортили Иринка, вальсирующая с пригласившим ее Михаилом Александровичем, и еще десяток пар, немного их потеснивших. Но, если честно, Викуся со своим спутником была вне конкуренции. Чувствовалась многолетняя выучка. Мне даже пришла в голову весьма здравая догадка: они вместе ходили в студию бальных танцев – слаженность присутствовала во всех их движениях.

Наконец вальс закончился, и наши дамы принялись наверстывать упущенное, прыгая и кривляясь на грани фола. Виктория, танцующая в общем кругу со своим кавалером, надменно морщилась, глядя, как наши девицы изображали перед ним соблазнительных одалисок.

На ее месте я бы своих парней на такие сборища не водила. У нас есть несколько особ, вполне равных ей по привлекательности и намного превосходящих по нахальству. Вот и теперь одна из них, Ольга из читального зала, уложила ручки ему на плечи и заскакала перед ним, беспардонно оттеснив в сторону Викторию. Я принялась тихонько хихикать – у него лицо стало как у злощей собачонки, которой очень хочется укусить дразнившего.

Тут он случайно посмотрел на меня, и его взгляд загорелся настоящим возмущением. Увы, я опять не смогла скрыть свое отношение к происходящему. Я постаралась ответить ему безоблачным взором невинной простушки, но он продолжал сверкать очами. Пожав плечами, я отвернулась. Да пусть он думает что хочет, мне-то что? Я его знать не знаю, да и знать не хочу. Уверена, он меня тоже. Хотя какое-то шестое чувство говорило мне обратное. Похоже, от этого типа мне нужно ждать больших неприятностей.

Музыка сменилась, и Викуся отправилась обратно. Спутник двинулся было следом, но Ольга повесилась ему на шею и заставила двигаться вместе с ней. Он не сопротивлялся, но что-то так презрительно-ехидно ей сказал, что она пошла красными пятнами и выскочила из зала. Освобожденный пленник прошел к своей пассии и молча сел рядом. Я с невольным восхищением посмотрела на него. Вот это фокус! Я всегда считала, что Ольгу от мужиков можно отодрать лишь клещами. Или размывать брандспойтами. А тут всего-то пара негромких фраз! И что он ей сказал, за мгновение добившись такого отменного результата? О, как бы мне хотелось перенять сей передовой опыт... Я чуть было не показала ему большой палец в знак искреннего одобрения, но вовремя удержалась.

Чтобы не привлекать его внимания и не спровоцировать такого же обращения, как с Ольгой, ушла на противоположный конец зала и скакала вместе с подругами. Никого, заметьте, не задевала, никого не вышучивала, да и не до того было – мы с девчонками танцевали сиртаки. Положив руки на плечи друг другу, прыгали почти в такт музыке. Она была не греческая, но кого это волновало? Мы только разошлись, как посреди всеобщего веселья снова зазвучала медленная музыка. Девчонки зароптали:

– Опять Виктория под себя музыку выбрала!

В самом деле, у музыкального центра стояла сияющая Викуся и ждала приближения своего бойфренда. Но он не оправдал ее надежд, более того, подло их обманул. Быстрыми шагами направился в нашу сторону, заставив девчонок напряженно замереть в предвкушении главного или почти главного события своей жизни. Каждая втайне надеялась, что он выберет ее. Я нервно заметалась, надеясь скрыться от его глаз за спинами подруг, боясь, что он идет по мою душу. И не ошиблась, потому что, подойдя ко мне, он скороговоркой выпалил приглашение на танец и, не дожидаясь ответа, бесцеремонно обхватил меня за талию и утащил в центр зала. Рассчитал он, конечно, верно: в ответ на цивилизованное приглашение я бы непременно отказалась. Посмотрев на его хмурое лицо, предложила:

– Ну, начинайте воспитательные мероприятия, вы ведь для этих целей меня выдернули, как репку...

Он согласно кивнул, не скрывая своих намерений.

– Почему вы так себя ведете?

Я не поняла.

– Конкретнее, пожалуйста.

Он с силой крутанул меня вокруг оси, заставив вцепиться в него, чтобы не упасть. Это меня возмутило.

– Не путайте меня с тренажером, очень вас прошу. Не стоит оттачивать на мне свое танцевальное мастерство.

Он раздраженно сверкнул глазами.

– Вы всегда такая беспардонная?

Неприятно ухмыльнувшись, я лукаво возразила:

– Нет, что вы. Сегодня я выступаю в непривычной для себя роли сусального ангелочка, обычно я гораздо язвительнее. Во всяком случае, вам от меня еще не доставалось, так что и обижаться вы не имеете права.

Он невоспитанно зафыркал.

– Не доставалось? А кто меня обозвал сначала суперменом, а потом охранником?

Смерив его с ног до головы предельно недоумевающим взглядом, я постаралась скрыть испытываемое от его снобизма удовольствие. Сладенько пропела:

– А почему вы считаете, что вы не супермен? И чем это плохо – быть суперменом? А против охранников вы что конкретно имеете? Чем они вам досадили?

Он рявкнул:

– Да ничего я против них не имею! Просто не намерен я охранять ничьи драгоценности!

Не собираясь спорить с ним по такому ничтожному поводу, я учтиво согласилась:
– Это ваше право!

Он посмотрел на мою лучезарную физиономию и прорычал:

– Ну вы и ехидна!

Чувствовалось, ему хотелось добавить определения покрепче, но он сдерживался, как истый джентльмен. Я тоже считала себя вполне культурной дамой, поэтому, ничего не говоря, довольно мило ему улыбалась. Но здорово ошиблась в степени его воспитанности. Когда сменилась музыка, он не отпустил меня, как положено учтивому кавалеру, а уволок в фойе, где продолжил выяснение отношений. Делал он это как-то чересчур горячо для случайного знакомого. Я периодически поглядывала на оставленный нами зал, не разумея, куда это запропастилась Викуся. По моим соображениям, она должна была бы уже появиться, чтобы спасти своего милого от мегеры, то бишь меня, освободив заодно и меня от неприятного разговора.

Но она все не появлялась, давая возможность своему кавалеру досконально прояснить обстановку. Со стороны мы были похожи на парочку влюбленных, ссорящихся из-за пустяка с единственным намерением – потом сладенько помириться. Я выложила ему эти свои соображения, и он аж топнул ногой, выпуская пар, и чопорно поджал губы.

Девчонки, вышедшие за нами исключительно для того, чтобы отдохнуть от громкой музыки, а вовсе не подслушивать чужие разговоры, как можно было бы подумать, глядя на их крайне заинтересованные физиономии, остановились невдалеке, наострив ушки. Заметив их, он снизил темп подачи своей обличительной речи, низко наклоняя ко мне голову и говоря так тихо, что я еле различала произнесенные им слова. Теперь мы и вовсе стали точь-в-точь как давно женатая парочка.

– Запомните, я не обслуживающий персонал и никогда им не буду!

Ну вот еще! Мужики всегда обслуживающий персонал, хотя так и не считают. Но этого я ему не сказала, не совсем же я дура. Наоборот, умильно с ним согласилась:

– Конечно-конечно! В таком дорогом костюмчике, да при галстучке, да в итальянских ботиночках (про ботинки это я наугад, я в них не разбираюсь), конечно, какой же вы обслуживающий... А где ваша большая золотая печатка? Это же необходимо для полноты образа...

Он рывкнул, не скрывая отвращения:

– Не ношу я перстней!

К кому относилось его отвращение – ко мне или к ношению перстней, я уточнять не стала. Как говорится, не хочешь слышать ответ, не задавай вопрос. Я так и сделала, мысленно себя похвалив.

Он не унимался:

– Почему вы думаете, что можете издеваться над людьми? Слишком умной себя считаете?

Я корректно возразила:

– Не умной, а старшей. Вот вам сколько лет?

Он растерянно пробурчал:

– Двадцать восемь...

Я гордо ему поведала:

– А мне тридцать четыре. Я вас старше и, следовательно, опытнее. Так что прошу проявлять почтение к моим почтенным летам. – Употребленная мной тавтология предназначалась для усиления драматизма, а вовсе не являлась лексической ошибкой, как, наверное, подумали дамочки, изо всех сил прислушивающиеся к нашему разговору.

Он подавился. Судя по его сверкающим глазкам, у него много чего накопилось на душе. У него даже руки беспокойно задвигались, так ему захотелось вцепиться в мою шею и слегка, исключительно для остратки, придушить. Спасая меня, из зала наконец-то вырвалась запыхавшаяся Викуся. Я с умилением подумала, что в последнее время она часто избавляет меня от

неприятностей, и с некоторой долей благодарности ей улыбнулась. Она на мою улыбку никак не отреагировала. Вид у нее был несколько помятый, будто она долго продиралась сквозь толпу. Она кинулась к нам, нервно восклицая:

– Евгений! – Я немного удивилась. Всегда считала, что Жени – мягкие и веселые люди. Опять ошиблась... – Ты здесь! А я тебя всюду ищу!

Он недовольно на нее взглянул и снова повернул голову ко мне. Что-то в его глазах было непонятное. Он явно не хотел уходить. Неужели я так задела его самолюбие, что он непременно желал поквитаться? Вроде ничего особо шокирующего я ему не говорила... Если только он не относится к тем самовлюбленным субчикам, для которых кривой взгляд уже оскорбление.

Викуся, недоумевая, о чем столько времени можно говорить с такой мымрой, как я, успокаивающе положила холеную ручку на его локоть и потянула за собой. Подчиняясь настойчивой подруге, он сделал шаг назад, но, посмотрев мне в глаза, склонил голову и четко проговорил:

– Думаю, мы еще закончим нашу беседу. В более спокойной обстановке.

По-мужски перехватил инициативу, взяв Викусю под руку и освободив свой локоть из ее цепких пальчиков, и ушел, что-то негромко ей говоря.

Мне не понравилась его последняя фраза. Что это за обещания? Он что, решил, что я жажду продолжения? Станный тип...

Настроение веселиться пропало, и я ушла в отдел непривычно наэлектризованная. Посидев немного в темной комнате, чтобы передохнуть от слишком громкой музыки и яркого света, поплелась домой, не дожидаясь продолжающих веселиться сослуживцев.

Как на грех, столкнулась в вестибюле с Викусей в небрежно накинутой на плечи норковой шубке. Следом за ней шел уткнувшийся в пол Евгений с мрачным выражением лица. Деваться мне было некуда, и я довольно миролюбиво попрощалась с импозантной парочкой. Виктория сквозь зубы ответила мне: «До свидания!», хотя ей явно хотелось сказать мне: «Век бы тебя не видеть!» Евгений же подтянулся, усмехнулся уголком рта и молча мне поклонился. Сделав шаг ближе, внезапно обжег мое лицо жарко полыхнувшим взглядом. Невольно отшатнувшись, я сделала вид, что ничего не заметила, и быстро пошла к выходу. Мы гуськом дошли до огромной дорогой машины, стоящей у самого входа. Я хотела пройти мимо, но он протянул руку, остановил меня и даже не предложил, а потребовал:

– Я вас подвезу! – вызвав этим заявлением красные пятна на щеках у подруги и возмущение в моей независимой душе.

Отходя в сторону, я твердо ответила:

– Ну что вы, я в такую чудную погоду на машине не езжу! Так и вся жизнь мимо пройдет!

И стремительно прошмыгнула мимо. Почему-то мне показалось, что сейчас он схватит меня за руку и затащит в машину. Чудные у меня порой бывают ощущения. Я быстрым шагом пошла по дорожке, а джип помчался по шоссе. Когда он проезжал мимо, я почувствовала пронзивший меня то ли угрожающий, то ли обещающий взгляд Евгения. И чем это я так его задела? Обычно мужчины после моих высказываний стараются больше со мной не встречаться, а этот...

Подойдя к трамвайной остановке, я немного подождала свой седьмой маршрут и с комфортом уселась у окошка. Слова о пешей прогулке были откровенным блефом – кто ходит по нашим улицам в десять часов вечера? Темно, да и город у нас в первой криминальной десятке, а я довольно благоразумная особа...

Под рассудительный стук колес прикрыла глаза, чтобы удалить внешние раздражители, представила Евгения с его презрительно-холодной физиономией и непонятными мне настойчивыми взглядами, и прислушалась к внутреннему ощущению. Пусто. Единственное, что я чувствовала, – это непривычное и довольно сильное возбуждение. Но чем она вызвано, понять не смогла.

Трамвай остановился на моей остановке, я вышла и не спеша прошла до дома, не глядя по сторонам. На что смотреть? За почти тридцать пять лет жизни здесь изучено все до последней скамейки. Открыла своим ключом железную дверь подъезда и поднялась по почти чистой лестнице на свой третий этаж.

Махнула рукой маме, возвещая о своем возвращении, и с чувством выполненного долга ушла к себе, включила «Травиату» с Монсеррат Кабалье, взяла в руки биографию Эдит Пиаф и прилегла на диван. Мне пришло в голову, что я уж на редкость несовременная девица – вместо метания в поисках женихов (ведь возраст у меня далеко не юный, а я все еще не пристроена) слушаю классическую музыку, читаю серьезные книги и отшиваю всех возможных претендентов. Ну вот не нравится мне ни один из них, что тут поделаешь? Ведь нельзя же ложиться в постель с мужиком только потому, что возраст поджимает?

Монтсеррат Кабалье в роли Виолетты запела о страстной любви, и в моей голове всплыл давно и старательно забытый облик Игоря. На этот раз я не стала, как обычно, прогонять его образ, а позволила себе в порядке назидания вспомнить все.

Это было почти пятнадцать лет назад. Он был симпатичный, умный, высокий, образованный. Подходящий, одним словом. Мне с ним было хорошо. Он ухаживал не то чтобы красиво, а душевно. Дарил какую-нибудь мелочь из того, что мне хотелось в данный момент. Как он угадывал мои желания, не знаю. Я по молодости и наивности уже думала, что мы будем счастливы вместе, но у него оказался один, но весьма важный порок: он был женат, просто забыл мне об этом сказать. Случайно увидев его из окна трамвая идущим по улице с милой женщиной и маленькой девочкой, я мгновенно все поняла, и на душе стало чрезвычайно горько. Но я быстренько выкинула его из своей жизни. Жаль, что не пинком, как нашкодливую собачонку. Когда он позвонил мне и пригласил на очередное свидание, я простодушно поинтересовалась:

– А жену с дочкой ты тоже позовешь? Вчетвером погуляем? – Он задержал дыхание, как от жестокого удара, а я выложила ему то, что ужасно хотелось сказать: – Ты изворотливый мерзкий гаденыш! Знать тебя больше не желаю! – И бросила трубку.

Потом я еще несколько раз видела его около библиотеки, возможно, он оказывался там случайно, а возможно, и нет. Но меня это больше не интересовало. Для меня он существовать перестал. Я многое могу простить, но терпеть не могу непорядочности. Несколько лет после этого мою саднящую душу мучил дурацкий вопрос: за что? Что такого я сделала, чтобы покарать меня так болезненно и жестоко? В этой жизни я никому дорогу не перебежала, если только в прошлой... Сколько бессонных ночей я провела, глядя в потолок сухими глазами и клянясь себе, что я никогда не буду такой доверчивой дурочкой и никто меня больше не обманет.

Вновь припомнив эту поучительную историю, повторила, как клятву: невозможно обмануть того, кто не верит...

Глава 3

После праздника Викуся смотрела на меня, как на ядовитую змею, которую нужно чем-нибудь пристукнуть, чтобы не укусила. Меня это не трогало, я себя в этой истории виноватой не считала. Не надо приводить на корпоративные вечеринки своих поклонников. Хотя Евгений на Викиусинобожателя похож не был. Уж очень индифферентно он к ней относился. Наши дамы тоже обратили внимание на этот факт. Мудрая Лидия Антоновна, как обычно, вспомнила типичный пример из своей долгой жизни, из которого следовало, что мне придется выйти за беднягу замуж, причем немедля. Хорошо, что он этого не знал, а то бы сбегал на край света от подобной перспективы. Милые коллеги так увлеклись обсуждением наших персон, что пришлось воззвать к их здравому смыслу:

– Я его старше почти на десять лет! – В сложившейся ситуации разницу лучше преувеличить, нагляднее результат. – Не надо приписывать мне недорослей! Я не страдаю навязчивым желанием выйти замуж за кого попало! Я вообще замуж не хочу!

Расслышав в моем голосе взаправду недовольные нотки, мои умненькие сотрудницы переглянулись, безмолвно договариваясь отложить разговор до лучших времен, а попросту дождаться моего ухода, и замолчали. Ждать им пришлось недолго, потому что на randevу меня пригласила Ирина. Мы укрылись в отгороженном книжными шкафами закутке, гордо именуемом ее кабинетом, и она спросила, не сумеет спрятать заинтересованного блеска в глазах:

– Что ты позавчера так быстро убежала? Впрочем, после твоего ухода Викиусе тоже пришлось уйти. И похоже, не по собственному желанию...

Я постаралась прикинуться совершенно незаинтересованной, что было нелегко. К моему стыду, мне было ужасно любопытно, что там случилось без меня. Иринка не стала терзать мою чувствительную душу, выложив все как на духу:

– Как только ты исчезла, ее парень...

Не подумав, я ляпнула:

– Его зовут Евгений...

Обрадованная, Иринка так подскочила на стуле, будто ей в ягодицу вонзили иголку.

– Ага! Так вы познакомились!

Я не полагала, что случайно услышанное имя можно считать знакомством. Но разочаровывать подружку не стала. Должно же быть и в жизни немолодых девушек немного романтики. Она с воодушевлением продолжила, явно гордясь своим участием в этом деле:

– Хорошо, что мы не сразу выпустили Викиусю из хоровода. Она все рвалась к вам в фойе, но мы ее немножко закружили...

Теперь я поняла, почему у красотки был такой встрепанный вид, когда она прибежала спасать своего дружка. Ей и в самом деле пришлось изрядно попотеть, чтобы выбраться из недоброжелательно настроенной толпы.

Иринка, воодушевленная моим вниманием, с пафосом продолжила:

– Так вот, этот самый Евгений после твоего ухода все крутил головой, кого-то выискивая, наверняка тебя, остальные-то все были на месте. Уяснив, что тебя нет, он потерял всякий интерес к нашей вечеринке и что-то твердо Викиусе сказал. Та немного поерепенилась, но все же согласилась. Они вышли из зала и ушли. А больше я ничего не знаю. Ты их видела?

Лгать не было смысла, и я подтвердила:

– Ага. Когда шла домой.

У Иринки аж глаза засверкали от возбуждения.

– И что?

Я не стала говорить о его требовании сесть к нему в машину и реакции на это Викиуси. Просто поведала усеченный и выхолощенный вариант:

– Попрощались и разошлись. А ты что подумала? Что он высадит Викусю и увезет меня на своей машине в голубые дали? Окстись! Нам с тобой не по восемнадцать лет, чтобы фантазировать! Ты должна бы уж убедиться, что принцы на белых конях увозят своих избранниц только в сказках. А наша жизнь на сказку не похожа, хотя по-своему и неплоха. – И, чтобы прекратить нервирующий меня допрос, напомнила: – Кстати, ты не забыла, что завтра мы идем на «Золушку»?

Подружка невольно захихикала.

– Помню, конечно. Ты не находишь это показательным – мы постоянно с тобой ходим на сказки?

Мне это тоже казалось забавным, и я закивала.

– Ага! Нам с тобой в реальной жизни сказок не хватает, вот мы и восполняем их искусственно. Хотя этот способ мне очень нравится. Ты не помнишь, кто завтра танцует?

Она стала припоминать, и мы благополучно ушли от опасной темы. Говорить о Евгении мне вовсе не хотелось. Я еще не поняла почему. Может, из-за чувства ущербности, возникающего у меня при его появлении? Но чем оно может быть вызвано? Заниматься самоанализом было опасно – никогда не знаешь, куда он может тебя завести, и я стала думать о безопасном – о пришедшей к нам книге Лукьяненко «Ночной дозор», прикидывая, достойна ли она моего внимания, или мне почитать что-нибудь из классики?

Шло время. Ни Викуси, ни ее бойфренда я не видела. Наши дамы были глубоко разочарованы – Викуся с несвойственным ей благоразумием перестала демонстрировать местным львицам своего друга, а может, это он отказывался от ее предложений. Я уже и забыла о его появлении в библиотеке, и только Лидия Антоновна мечтательно вспоминала о нем после разгрузки очередной партии книг, жалея об утраченном грузчике.

Как-то теплым весенним вечером мы с Иринкой вышли из библиотеки, направляясь в сторону проспекта. Светило солнце, пели птички, небо сияло такой голубизной, что на него было больно смотреть. Благодать, одним словом. Живи и радуйся! Но Ирина, не в состоянии расстаться со своими идиллическими мыслями, навязчиво вспоминала появление Викуси со сногшибательным франтом, портя мое радостное настроение. С той поры прошел уже месяц, прошлогодний снег, как говорится, давно пора забыть. Но нет, она упорно болтала о нашей секс-бомбе, плавно переходя на странное поведение ее кавалера. Почему-то она была уверена, что я ему здорово приглянулась.

– Ну как ты не понимаешь! Если он так решительно бросил Викусю на виду у всех и кинулся за тобой, то это что-то да значит! И не делай вид, что не понимаешь, в чем дело!

Блаженно шурясь от ласкающих лучей солнца, я лениво возразила:

– Просто он до глубины души был возмущен моим неприличным поведением и желал лишь снять с меня нетоненькую стружку, а вовсе не объясниться мне в любви с первого взгляда! Кстати, он заявил, что я ехидна. Что-то не похоже на комплимент, как ты думаешь?

Но мои заверения Иринку не устроили. Она снова запела свою фантастическую песню, от которой я скучно морщилась, никак не поощряя ее нелепые домыслы, стараясь не подкидывать дров в огонь, надеясь, что без пищи он угаснет. Но не тут-то было! Пользуясь моим молчанием, подружка разразилась такой уймой пламенных предположений, что я, не выдержав ее очередного феерического пассажа, возмутилась:

– Иринка, неужели ты и в самом деле считаешь, что такой крутой и упакованный мог всерьез заинтересоваться мной, серой библиотечной мышкой?

Про серую мышку – это чистое кокетство. Никогда я себя мышью не считала. Если уж подыскивать сравнения среди грызунов, то мне больше всего импонировал образ джунгарского хомячка, взлохмаченного, с пухлыми щечками, с вечно улыбающимся ртом. Бежит он своей дорогой по своим делам и не обращает внимания на окружающих... Но этими мыслями я с

подружкой делиться не собиралась. Зачем сбивать патетику момента? И с должным порицанием в голосе добавила:

– К тому же я старше его почти на десять лет! Или ты просто поддразнить меня хочешь, чтобы жизнь медом не казалась?

Она нелепо захлопала наклеенными для создания неземной красоты ресницами, в которых была похожа на глуповатую куклу.

– Ну что ты! Я тебя вовсе не дразню, а констатирую факты. А они таковы...

Я злорадно перебила ее с кривой ухмылкой:

– А факты таковы: этот красавчик, по твоему мнению, бросивший красавицу и умницу из хорошей семьи...

Тут подружка посмотрела на меня с совершенным недоумением, несколько приведя в чувство. В самом деле, куда это меня занес порыв красноречия? Про красавицу никто не спорил, но умницей Викусю мог назвать только слепоглухонемой... Но мне очень понравился сей стилистический оборот. Ничего, что он являлся бесспорной гиперболой, зато как красив! И я твердо указала ей на слабое звено в ее рассуждениях:

– Вот уже месяц этот твой страстно влюбленный не появляется на нашем горизонте, хоть и должен ухаживать за мной, раз уж влюбился...

Иринка несколько приувыла, но все еще барахталась, никак не желая признать свое поражение:

– Ну да, но ведь и за Викусей он тоже не приезжает...

Для вящего ее убеждения я понизила голос, проникновенно говоря:

– Ну, возможно, Викуся просто поумнела и больше не машет им, как красной тряпкой, перед нашими носами. У нас ведь есть такие, как Ольга...

Исчерпав все свои доводы, Иринка печально уставилась в туманную даль, наивно надеясь на чудо.

И оно внезапно произошло, доказывая, что Господь слышит просьбы чистых душой девушек. И пусть мне больше не говорят, что чудес не бывает. Перед нами, будто материализовавшись от ее настойчивого желания, нарисовался черный джип, перегородивший дорогу. До меня не сразу дошло, кто это, и я возмущенно погрозила кулаком беспардонному водиле. Какой нахал ездит по пешеходным дорожкам? Уступать дорогу я не собиралась и осталась стоять, где стояла. Пусть едет, где хочет, хоть по бордюру на задних колесах...

Но водитель и не думал ехать дальше. Он затормозил как раз перед нами, и на дорогу слишком уж шустро выпрыгнул Евгений. По моему мнению, такие персоны должны выходить из машины не спеша, по частям, чтобы внушать уважение: сначала ноги, потом туловище и только потом все остальное. Но он возник перед нами внезапно, как черт из табакерки.

На нем были строгий черный костюм, светло-серая рубашка и элегантный серебристый галстук. В таком наряде только жениха на собственной свадьбе изображать. И куда они с Викусей собрались? Я попыталась припомнить, в чем сегодня щеголяет его подруга, и не смогла. Но это совершенно не важно. Викуся одевается всегда по моде и к лицу и в любой момент может отправиться в театр или на модную тусовку. Не то что я в своей длинной трикотажной юбке, не первой молодости сапожках и неброской китайской куртке. По цвету я вполне соответствовала бледной поганке: макияжа на мне не было и в помине, ведь я принципиально не крашусь. Если только иногда, чтобы потрафить Иринке, мажу помадой губы. Но это моя единственная уступка современным нравам.

Евгений с непонятной ухмылкой посмотрел на меня, чуть приподняв правую бровь, будто задавая немой вопрос. У меня по сердцу пробежал холодок неприятного томления, но я быстро его прогнала. Стоявший передо мной красавец был слишком красив, слишком молод и слишком мужчина, чтобы у меня к нему мог появиться серьезный интерес. Меня никогда не инте-

ресовали супермены. Простые люди гораздо приятнее. Для меня, во всяком случае. Ведь правило «подобное к подобному» еще никто не отменял.

Стараясь побыстрее от него избавиться, я вежливо поздоровалась и сообщила, что Виктория еще в библиотеке, подразумевая: ждет его не дождется. Но вместо того, чтобы быстренько к ней смотаться, он отрицательно покрутил головой и сухо бросил:

– Я не к ней, я к вам.

Мне это совершенно не понравилось, и я предусмотрительно отступила назад, стараясь спрятаться за подругой. Вспомнился его стальной захват, когда он тащил меня в фойе для частного разговора, и подумалось, что он вполне может его повторить. Я нахмурилась, не боясь появившихся на лбу глубоких морщин. Говорить нам с ним абсолютно не о чем, зря старается. И что за дурная манера навязываться? Но в ответ только сказала:

– Извините, не могу, мы спешим...

Он недоверчиво прищурился, засунув руки в карманы. Это тоже было невежливо, и я с неудовольствием подумала, что вести он себя не умеет. Впрочем, что взять с современной молодежи... Он настойчиво спросил, недовольно глядя мне в глаза:

– Куда, позвольте узнать?

У меня появилось противное ощущение, что он видит меня насквозь, но я твердо соврала, не отводя взор:

– В кино. Мы давно купили билеты.

Моментально определив слабое звено в нашем тандеме, он повернулся к Иринке, угрожая навис над ней и впери в нее подозрительный взгляд, как строгий учитель:

– И куда конкретно?

Иринка, всегда теряющаяся в трудных жизненных ситуациях, тоненько заблеяла, мучительно покраснев:

– Э-э-э...

Он в момент обо всем догадался и обвинительно выпалил:

– Вранье это!

Схватив меня за талию, сильным толчком впихнул в машину и захлопнул дверцу. Пока я, путаясь в длинной юбке, пыталась выбраться обратно, одним прыжком очутился рядом, вскочил в кресло, как в седло, заблокировал мою дверь и задом выехал с дорожки. Я с накалившей тоской взирала на удаляющуюся подругу, тупо смотревшую нам вслед с потрясенно приоткрытым ртом.

Да-а, великолепное основание для слухов и домыслов предоставил нашему женскому коллективчику этот потрясающий нахал. Иринка, конечно, славный человек, но хранителем чужих тайн ее никто не назовет. Представив, как она весь вечер будет названивать нашим общим знакомым, чтобы сообщить потрясающую новость, я застонала и с ненавистью глянула на похитителя.

Он с довольным видом смотрел на дорогу, явно считая себя вправе поступать так, как хочется. Я медоточиво поинтересовалась:

– Что, все хорошо?

С мефистофельской ухмылкой он кивнул. Его четкий профиль выражал такое самодовольство, что меня покорило. Я предельно вежливо, так, что аж самой стало противно, спросила:

– А как вы будете себя чувствовать, когда я поставлю вам парочку фонарей под глазами и повыдеру половину волосенок?

Он скептически на меня покосился:

– Вы не посмеете...

Чуть приподняв бровь, я сладко пропела:

– На вашем месте я не была бы столь в этом уверена. Я не вцепилась вам в голову только потому, что опасаюсь за свое здоровье и не хочу создавать аварийную ситуацию на дороге. Но потом берегитесь!..

Он широко ухмыльнулся с заметным одобрением в глазах.

– Что ж, жизнь обещает стать гораздо интереснее. Драться с женщинами мне еще не доводилось.

Я покладисто согласилась:

– Действительно, это будет весьма познавательный опыт. Женщины ведь не мужчины и дерутся без правил.

Он несколько озадачился.

– И что это значит?

Сделав неопределенный жест, я коварно пояснила:

– А это значит, что в ход идут всякие запрещенные приемчики. Импотентом стать не желаете?

Он отрицательно покачал головой и непринужденно рассмеялся:

– Нет, конечно, не хочу.

Я дипломатично предложила:

– В таком случае остановите машину, и я выйду. Тогда вам ничто угрожать не будет.

– Конечно, но немного попозже. Вон у того здания.

Проследив за его рукой, я нахмурилась. На углу виднелся недавно открытый помпезный ресторан для местной элиты. Насколько я знала, посещала его публика чрезвычайно солидная. Неужели он хочет затащить меня в это заведение? Я там немедля опозорюсь – я по ресторанам сроду не хаживала. И какой вилкой что едят, совершенно не представляю. К тому же среди разряженной публики мой затрапезный вид вызовет настоящий фурор, в отрицательном смысле, естественно. Я запаниковала.

– Я в ресторан не пойду! И не надейтесь!

Он насмешливо на меня покосился:

– А я что, вас в ресторан приглашаю?

Пришлось досадливо прикусить губу. Действительно, речь шла только об остановке рядом с рестораном. Про сам ресторан речи не было. Это все мое буйное воображение. Хотя некоторая логика в моих соображениях была – для чего вообще останавливаться у ресторана, если туда не идти, особенно если рядом больше ничего нет?..

Мы затормозили напротив входа. Справившись с непокорной юбчонкой, я довольно неуклюже выбралась из машины и немедля попыталась удрать, но была остановлена мощной рукой. Дернулась, стараясь освободиться, но он сильнее сжал мой локоть и прошипел:

– Да не дергайтесь вы, невозможная женщина! Ведите себя прилично!

Я даже задохнулась от возмущения. Это я должна вести себя прилично? Меня, можно сказать, похищают среди бела дня, насильно запикивают в машину, черт-те куда увозят, и я же еще должна вести себя прилично? Высказать ему свое возмущение я не успела – к нам подошел охранник, оценивающе на меня поглядывая, взял ключи от машины, согласно кивнул на то ли просьбу, то ли приказ Евгения отогнать машину на стоянку. Этот приценивающийся взгляд взбеленил меня еще больше – за кого он меня принял?

Столь же непочтительно, как он меня волок, я ткнула похитителя локтем в живот и раздраженно выпалила:

– Кем вы тут меня экспонируете? Вашу престарелую тетюшку я изображать не собираюсь, и не надейтесь!

Он зловеще расхохотался, окинув меня отнюдь не ласковым взглядом.

– Престарелая тетюшка! Скажете тоже! Тетюшек не приходится тащить за собой на аркане! Они сами ходят, как правило!

Поскольку на арканах таскают непокорных животных, мне очень захотелось его пнуть, что я и сделала, в кои-то веки дав себе волю. В ответ на это он невежливо втолкнул меня в какую-то дверь сбоку здания, протащил по узким коридорам явно служебного назначения и завел в маленькую, помпезно украшенную комнатку.

Сначала до меня не дошло, что это. Потом я сообразила, что это может быть лишь отдельный кабинет ресторана. Посередине комнаты находился небольшой столик на двоих, вокруг стен стояли мягкие диваны, в углу – огромный телевизор из породы домашних кинотеатров, пол застилал однотонный ковер, заглушавший все звуки. Сплошной интим и уют. Закатив глаза, я тихо, но с явственной угрозой поинтересовалась:

– Так, и что мы тут будем делать?

Он не ответил, закрыв комнату на ключ, а ключ для надежности опустил в свой карман. Сел за стол и довольно небрежным жестом пригласил последовать его примеру. И только после этого соизволил процедить сквозь зубы:

– Я лично собираюсь пообедать. Ну а что будете делать вы, не знаю. Возможно, вцепитесь в мой скальп, как обещали. Но не советую: я заказал для вас много вкусной еды, чтобы вы стали добрее. Ну и поговорили со мной потом, естественно. Больше мне от вас ничего не надо.

Он сделал такое откровенное ударение на словах «от вас» и «ничего», что мне стало обидно. Хотя это и крайне непоследовательно. Но я никогда не отличалась этим похвальным свойством. На мой взгляд, последовательность слишком уж занудна. Молча села напротив и чинно сложила ручки на животе, ожидая продолжения.

Раздался почтительный стук. Евгений достал из кармана ключ, отворил дверь. Пока официант, исподволь меня оглядывая, выкладывал со своей тележки на стол блюда и бутылки, а на маленький столик у стены десерт, Евгений как страж стоял у дверей, видимо, уверенный, что я постараюсь сбежать. Но я же не дура, бегать с ним наперегонки по незнакомому зданию. В моем характере, конечно, много несообразностей, но не до такой же степени...

Когда стол оказался накрыт, он выпустил официанта, снова аккуратно закрыл дверь на ключ, ключ вновь опустил в карман. Я с мрачной миной наблюдала за этой уже знакомой процедурой. Она мне не нравилась, я чувствовала себя настоящей пленницей. Хотя и понимала, что со мной ничего не случится – свидетелей моего с ним отбытия от библиотеки и появления здесь хоть отбавляй. Он подошел ко мне и вкрадчиво спросил:

– Есть вы в куртке будете или снимете ее?

Пришлось встать и отдать ему куртку. Он повесил ее в шкаф, замаскированный под стену. Спросил, чего мне налить, и я потребовала минералки. Он не стал спорить и молча наполнил хрустальный стакан. Прежде чем взять его, я недовольно посмотрела на руки. Вообще-то я привыкла мыть их перед едой...

Заметив мою гримасу, Евгений подошел к стене и открыл сливающуюся с ней дверь. Внутри оказался весьма комфортабельный санузел. Я с облегчением рванула туда и с наслаждением вымыла руки, смывая грязь. В отличие от моего дома, где с наступлением тепла горячей воды не было и в помине, здесь она бежала вовсю. Да уж, комфорт и уют...

Села за стол и посмотрела на полные деликатесов тарелки. Внезапно в голове мелькнула страшная мысль, заставив меня невольно побледнеть. А вдруг он подсыпал мне какой-нибудь отравы? В голове мелькнули кадры из уголовных передач, и я в ужасе уставилась на аппетитную еду.

Он тут же разозлился.

– Не собираюсь я вас ничем опаивать. Можете сами выбрать себе порции, если хотите.

Здравая мысль! Не обращая внимания на его возмущенную мордуленцию, я тут же поменяла тарелки. Запеченная под каким-то невероятным соусом рыба источала такой соблазнительный аромат, что у меня неостало сил воспротивиться, когда он налил в бокал вина, подвинул ко мне ложку с вилок и скомандовал:

– Ешьте наконец! Может, пообреете!

Я подчинилась. Хотя обвинение в озлобленности себе на ус намотала, но благоразумно оставила выяснение отношений на потом. Если поскандалить прямо сейчас, то и голодной можно остаться. Рыба просто таяла во рту. Я наслаждалась и совершенно не могла понять, чем вызваны такие затраты. Какой от меня прок? Если во времена тотального дефицита это еще можно было как-то объяснить – в книгах периодически возникала острая нужда, особенно у студентов, то в наше благополучное время это объяснение не выдерживало никакой критики. Вино я пить не стала, решив не давать ни малейшего повода для инсинуаций. Кто его знает, на что он способен? Уж лучше сохранять ясную голову.

Евгений отодвинул от себя пустую тарелку, откинулся на спинку стула и звонко побарабанил пальцами по столу. Я поняла, что настало время объяснения, так сказать, момент истины. Вопросительно посмотрела на него исподлобья, чуть приподняв брови. Он немного смущенно прокашлялся.

– Итак, Аня...

Я чопорно его оборвала:

– Между прочим, Феоктиста Андреевна. Аня – это исключительно для близких друзей.

Он некрасиво выпучил глаза.

– Это не розыгрыш? Что-то я таких имен никогда не слышал...

Мне стало досадно. У меня редкое и очень красивое имя, между прочим. Если я и не пользуюсь им повседневно, то это не значит, что я вру.

– Вам что, паспорт показать?

Он отрицательно мотнул головой, явно выбитый из колеи.

– А Виктория говорила...

Я пренебрежительно скривила губы. Чего хорошего обо мне может сказать мой закадычный враг?

– Ну, представляю, что обо мне говорила Викуся...

Он удивленно уставился на меня.

– Викуся? Как-то вы странно сократили ее от Виктории...

– Да с чего вы взяли, что это от Виктории? Это от накося-выкуси. – И пояснила в ответ на его недоуменный жест: – Когда у нее что-либо просишь, причем исключительно по работе, ответ один. Ну, не по форме, разумеется, а по содержанию.

Он обалдело промышчал что-то непонятное. Взял листик салата, задумчиво его пожевал, напомнив мне меланхоличного кролика. Собрав разбежавшиеся мысли, снова взялся за объяснение своих по меньшей мере странных мотивов:

– Так вот, я пригласил вас сюда...

Пренебрежительно сморщив нос, я противно захихикала:

– Пригласил? Это теперь так называется? Вы меня извините, но я несколько отстала от сленга нынешней молодежи...

Резко отринутый из когорты взрослых людей, Евгений с возрастающим раздражением скомкал бумажную салфетку и небрежно кинул ее на пол.

– С вами невозможно разговаривать!

Откровенно грезя о свободе, я мечтательно посмотрела в окно. Сумрачно заметила:

– А я и не хочу с вами говорить, не моя это инициатива. Так что давайте уже побыстрее высказывайте все, чего хотите, а то надоело мне тут...

Но он внезапно передумал. Встал и поближе подвинул чайный столик. С сомнением глядя на меня, принялся разливать чай и фигурно расставлять по столу тарелочки с восхитительными микроскопическими пирожными. Видимо, решил, что я еще не настолько сыта, чтобы подобреть. Я одним глазом посмотрела на этот безбожный соблазн. Он сухо спросил:

– Надеюсь, вы не на диете?

Вопрос был своевременным – после примерки моего любимого летнего льняного костюмчика эта идея влекла меня все больше и больше. Но пирожные выглядели так заманчиво, что я нехотя перенесла начало пищевых ограничений на потом и протянула руку за соблазнительным шоколадным шариком, украшенным острыми белыми иголочками. Он с облегчением вздохнул и сел обратно. Налив себе кофе, о чем-то задумался, не сводя с меня изучающих глаз. Я невольно поежилась, стараясь понять, чем вызван такой пристальный интерес. Даже если я и измазалась в шоколаде, это не должно было заинтриговать его до такой степени.

Но вот с десертом было покончено. Явно затягивая время, он убрал грязную посуду с глаз долой, налил мне вина и выставил из спрятанного в стене холодильника несколько видов мороженого.

Есть мне уж вовсе не хотелось, но мороженое было подлинной вершиной кондитерского искусства, и я нерешительно ткнула в него серебряной ложечкой. Евгений ничего не ел, отчего-то неуверенно морщась. Может, у него живот заболел? Внезапно мне пришла в голову разгадка его чудного поведения. Она была до безобразия примитивной.

И как я раньше не догадалась! Конечно, он хотел, чтобы я не третировала его обожаемую подругу. Точно! Наверняка она поплакалась ему на мое неадекватное к ней отношение, и вот я похищена исключительно для проведения воспитательных мер. А чтобы было не так обидно, накормлена вкуснейшим в моей жизни ужином. Если бы меня спросили, стоит ли выволочка такого обеда, я непременно бы заявила, что стоит.

Снисходительно усмехнувшись сидящему напротив меня мужчине, предложила:

– Не стесняйтесь, будьте так любезны! Начинайте уже заступаться за свою милую подружку. Я все пойму...

Он непонятливо уставился на меня.

– Вы это о чем?

Я услужливо подсказала:

– Вы же хотели попросить меня наладить отношения с Викусей? Так сказать, перестать вставлять ей палки в колеса... Не так ли?

Он пренебрежительно вытянул губы узкой трубочкой.

– Нет, конечно. Я просто хочу, чтобы мы получше узнали друг друга.

Слишком резко выдернутая из сулящей спокойную жизнь догадки, я глуповато захлопала ресницами.

– Это еще зачем?

Он кинул на меня возмущенный моей недогадливостью взгляд и насмешливо указал:

– Как правило, взрослые люди о таких вещах не спрашивают. А вы ведь изображаете из себя очень взрослую, не так ли?

Меня уязвил его пренебрежительный тон. Мне не нужно изображать из себя взрослого человека, я и без того достаточно взрослая.

– Никого я из себя не изображаю, вот еще. Я вас конкретно спрашиваю: какого лешего нам узнавать друг друга получше?

Он как-то неопределенно пожевал губами, поскладывал пальцы в непонятные фигуры и выпалил:

– Вы мне очень понравились!

Ну и ну! Это называется: врать надо меньше! Я смиренно поинтересовалась, не веря ему ни на грош:

– Чем это я вам понравилась? Легким хамством, что ли?

Он тяжело вздохнул, понимая, что разговор зашел не туда.

– И этим тоже... – Игнорируя мой скептицизм, упорно продолжил: – Я рядом с вами себя живее чувствую...

Вот оно что! Все сразу стало ясно. Его просто заела чопорность собственного окружения, и он подыскал себе шута горохового в моем лице. Я ему прямо об этом и сказала. Он аж в лице переменялся, вскочил и завопил:

– Я тут, можно сказать, в любви объясняюсь, а она опять издевается! – И, резко сдернув меня с сиденья, впился в мои губы болезненным поцелуем.

Поразившись его напору, я не сразу сообразила, что мне делать. Опомнившись, постаралась его оттолкнуть, но попытка вышла неловкой и даже смешной – этот бугай был выше меня сантиметров на двадцать пять и на столько же тяжелее. Не говоря уже о том, что он здоровый тренированный мужчина, а я спортом никогда не занималась, не люблю я это пустое времяпрепровождение. Ощущая все его жесткое тело целиком, я чувствовала и восставшую плоть. Скосив глаза на чудные мяконькие диванчики вдоль стен, мрачно подумала, что именно там мы сейчас и окажемся.

Так и вышло – неуловимым скользящим движением он уложил меня на диванчик и тут же с максимальным комфортом устроился сверху. Вот это мне уже и вовсе не понравилось. Не хватало еще быть изнасилованной в каком-то заштатном ресторане. Гадость какая...

Он дышал все тяжелее, прижав свои губы к моим, чтобы не слышать мои возражения. Поскольку я питала абсолютное отвращение к мычанию, не считая себя родней коровам, приходилось терпеть его притязания молча. Прижимая меня всем телом и не давая пошевелиться, он медленно, но неумолимо задирал на мне юбку. Сердце у меня тревожно заныло. Все это походило на откровенное хамство. Я бы еще вытерпела попытку изысканного обольщения, но подобное кувыркание на сеновале не для меня...

Не выдержав напряжения, он попытался раздеть меня одной рукой, удерживая другой. Это оказалось его роковой ошибкой, потому что я тут же вывернулась из-под него, неуклюже растянувшись на полу. С трудом, путаясь в длинной юбке, поднялась на ноги, обещая себе, что больше никогда, никогда не буду надевать такие нерациональные предметы одежды. Он моментально вскочил, ярко продемонстрировав, что брюки гораздо удобнее, и попытался вновь меня схватить. Но я, отбежав за стол, выпалила:

– Ни с места, или я буду расценивать это как покушение на свою невинность!

Он замер, недоверчиво переспросив, явно решив, что я привираю:

– Невинность?

Решив, что терять мне нечего, я мрачно подтвердила:

– Да, я девственница.

Это подействовало на него как ушат холодной воды. Он сначала побледнел, потом покраснел, хватая ртом воздух.

– Черт поberi! – Это вырвалось у него с такой неистовой злостью, что напряжение у меня спало и я искренне рассмеялась.

Как замороженный он снова сделал шаг ко мне, но, заметив мое недовольство и даже испуг, остановился. Проведя руками по брюкам, подождал, пока бугор на ширинке примет более-менее достойные размеры, достал из шкафа мою куртку. Подошел ко мне и хотел помочь надеть, изображая из себя джентльмена, но я вырвала из его рук куртку и отскочила в сторону. Вновь оказаться в его руках мне совершенно не улыбалось. Он пожал плечами и остался на месте, дожидаясь, когда я ее натяну. Едва я застегнула молнию, как он открыл дверь и жестом пригласил меня выйти. Я вихрем проскочила мимо него, по наитию выбежала на улицу и хотела уйти, но он придержал меня за локоть. Глядя в землю, проговорил:

– Извиняться я не буду, я нормальный мужчина, а вы дьявольски привлекательная женщина. Мое предложение узнать друг друга получше остается в силе. Ничего особенного в нем не заключается, просто мы с вами будем выходить в свет, общаться побольше, ну и, конечно, встречаться у меня. Возможно, вы даже поживете со мной какое-то время...

Услышав такое, я слегка подпрыгнула. Наконец он произнес то главное, из-за чего и был затеян весь этот балаган! Торопясь произвести благоприятное впечатление, Евгений посулил:

– Безусловно, вам не придется заботиться о хлебе насущном. И одеты вы будете несравнимо лучше, чем теперь. – И он презрительным взглядом окинул мою непритязательную одежду. Неужели вздумал, что за норковую шубейку я соглашусь на подобное предложение? Хотя для него, видимо, это обычнейшая вещь. – Прошу вас, хорошенечко подумайте, прежде чем отвечать. – И требовательно посмотрел мне в глаза, навязывая свою волю.

Под этим взыскательным взглядом хотелось вытянуться по струнке и немедленно согласиться со всеми его требованиями. Мне повезло, что моего упрямства хватило бы на нескольких среднестатистических человечков. Я ответила ему не менее волевым взглядом и заботливо посоветовала:

– Вы это Викусе предложите. Уверена, ей понравится...

Он с изрядной долей растерянности заглянул мне в глаза. Бедняга был совершенно не в своей тарелке. Видимо, он таких странных особ еще не встречал. Отсюда и его ко мне интерес – нас ведь всегда влечет неизвестное. Очень убедительно произнес:

– Вы неверно воспринимаете наши отношения. Мы с Викторией просто знаем друг друга с детства. У нас родители дружат со школы. И больше между нами ничего нет...

Удивившись его наивности, я недоуменно округлила глаза. Он это нарочно мне мозги компостирует или в самом деле ничего не замечает? Постаралась донести до него истину:

– Ну, с вашей стороны, возможно, ничего и нет, а вот Викуся из кожи вон лезет, чтобы доказать всем, что у вас особые отношения.

Он мне не поверил.

– Да будет вам! Не выдумывайте того, чего нет...

Вот святая простота! А еще взрослый человек. В его годы пора быть проницательнее. Хотя я видела его в роли начальника – он отнюдь не сахарный мальчик. Преодолевая внутреннее сопротивление, уж слишком я не люблю закладывать кого бы то ни было, выговорила:

– Да любому видно, что Викуся вас без соли съесть готова. У нее выражение лица совершенно оголодавшее, когда она на вас пялится...

Евгений внезапно уточнил, поставив меня в тупик:

– Такое же, как у меня, когда я смотрю на вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.